

Между наказанием – ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэти М. Ди

Кэти Ди

Между наказанием - любовь

«Автор»

2026

Ди К. М.

Между наказанием - любовь / К. М. Ди — «Автор», 2026

У Лизи две жизни. Днём она — простая дочь фермера, помогающая отцу спасти их маленький семейный лагерь, а ночью — знаменитая таинственная танцовщица элитного клуба, чьи гонорары уходят на спасение семейного дела. Дэн — баловень судьбы, чей мир состоит из дорогих тачек и безнаказанности. Но очередная выходка заходит слишком далеко, и вместо элитного курорта его отправляют в захолустье — на исправительные работы в трудовой лагерь при ферме. Случайное разоблачение превращает Дэна из простого «заключённого» в опасного шантажиста. Его условие простое: Лизи помогает ему выбраться, а он хранит её грязную тайну. Они скрестили мечи в бесконечных спорах, не замечая, как ненависть медленно перегорает в нечто неуправляемое. Что останется от их ненависти, когда правда выйдет наружу? Разрушенные жизни или любовь, ради которой стоит пойти на преступление?

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Между наказанием - любовь

Аннотация

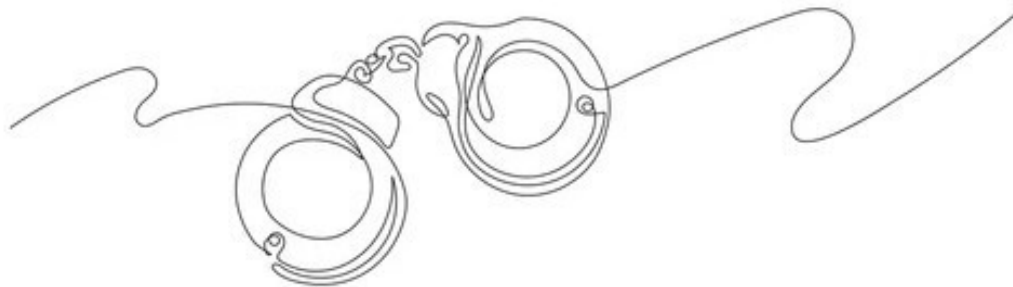
У Лизи две жизни. Днём она — простая дочь фермера, помогающая отцу спасти их маленький семейный лагерь, а ночью — знаменитая таинственная танцовщица элитного клуба, чьи гонорары уходят на спасение семейного дела.

Денис — баловень судьбы, чей мир состоит из дорогих тачек и безнаказанности. Но очередная выходка заходит слишком далеко, и вместо элитного курорта его отправляют в захолустье — на исправительные работы в трудовой лагерь при ферме.

Случайное разоблачение превращает Дэна из простого «заключённого» в шантажиста. Его условие простое: Лизи помогает ему выбраться, а он хранит её грязную тайну. Они скрестили мечи в бесконечных спорах, не замечая, как ненависть медленно перегорает в нечто неуправляемое.

Что останется от их ненависти, когда правда выйдет наружу? Разрушенные жизни или любовь, ради которой стоит пойти на преступление?

Пролог

Холодный металл наручников больно впивался в запястья, но я этого почти не чувствовал. Вся моя жизнь, все мои амбиции и чёртова гордость мажора сейчас сузились до одной точки — до хрупкой девчонки, которую санитары грузили в карету скорой помощи.

Я замер у открытой двери патрульной машины, игнорируя бесцеремонный толчок в спину. Плевать на них всех. Мой взгляд был прикован к её лицу, на котором багровела свежая кровь. Бледные губы, тонкие пальцы, безжизненно свисающие с края носилок...

Ещё три месяца назад всё было иначе. Моя жизнь пахла кожей салона нового «Порше», дорогим парфюмом и безумием московских ночей. Бесконечные вечеринки, где шампанское лилось рекой, а проблемы решались одним звонком отца. Я привык, что мир вращается вокруг меня, а закон — это просто строчка в учебнике, которую можно купить.

Я клялся, что никогда не свяжусь с такой, как она. Но Лизи оказалась загадкой, которую я так и не смог разгадать — она была мне не по зубам. Сам не заметил, как угодил в этот удрушающий кокон из противоречий, где ненависть и страсть сплелись в один тугий узел. Я презирал её ложь, но не смог оставить её в беде. Я упустил момент, позволил кошмару случиться, и теперь она лежит на этих чёртовых носилках... Глядя на её бледное лицо, я чувствую странное, горькое облегчение. Плевать, что меня ждёт решётка. Главное — она в безопасности.

Три месяца назад я думал, что эта простушка — мой персональный ад. Оказалось, она — мой единственный шанс снова стать человеком.

Глава 1

За три месяца до этого...

Денис

— Какого хрена ты всё ещё давишь подушку? — громовой голос Андрея бесцеремонно ворвался в мой сон, вырывая из темноты. — Давай, подрывайся! У нас сегодня по плану великое завоевание самых сладких цыпочек столицы. Слышишь? Город ждёт своих героев!

Я чувствовал, как каждое его слово отдается тупой болью в висках. Андрей стоял надо мной, светясь раздражающим энтузиазмом, пока я пытался вспомнить, как меня зовут и почему в моей голове до сих пор крутится вчерашнее диско. Его "продуктивный день" всегда означал только одно: горы пустых обещаний, реки дорогого пойла и бесконечный парад длинноногих девиц.

Я резко рванул на себя одеяло и сел, с силой вонзая ладони в лицо, пытаюсь буквально содрать с себя остатки вязкого сна. Кожа горела под пальцами, но это не помогало унять гул в голове. Оторвав руки от лица, я вскинул голову и буквально пригвоздил Андрея свинцовым взглядом к стене.

— Ты чего припёрся в такую рань? — мой голос прозвучал как наждак по металлу. — У тебя разве не сегодня тот самый зачёт, который ты клялся не завалить? Или ты решил, что «сладкие цыпочки» примут у тебя экзамен по экономике? Я прищурился, глядя на его довольную физиономию. — Память отшибло? Твой старик ясно дал понять: ещё один заваленный зачёт, и твоя золотая карта превратится в бесполезный кусок пластика. Ты серьёзно готов променять безлимит на одну ночь с "цыпочками"?

Андрей лишь небрежно отмахнулся, будто мои опасения были назойливым жужжанием над ухом.

— Оставь эти проповеди для тех, кто ездит на метро, — бросил он, и зачётка с сухим стуком приземлилась на мой прикроватный столик. — Любуйся, Фома неверующий. Пять минут моего коронного обаяния, пара правильных движений языком — и вуаля, заветная «четвёрка» у меня в кармане.

Я лениво выудил синюю книжицу из-под горы подушек и прищурился, разглядывая свежую роспись. На губах сама собой расплылась ядовитая ухмылка.

— Впечатляет. Но что, на «отлично» мышц языка не хватило? Сдаешь позиции, бро, раньше ты был убедительнее.

В ответ в мою сторону тут же полетел пустой пластиковый снаряд из-под минералки, который я мастерски отбил подушкой, даже не моргнув глазом.

— Ой, завали, а? — Андрей картинно закатил глаза и рухнул на покрывало, закинув руки за голову. — Давай, соскребай себя с кровати и топай в душ. Твоя морда сейчас явно не для обложки Forbes. Нам нужно заехать к одному человеку до клуба, и ты — мой единственный легальный способ передвижения по этому городу. У меня, если забыл, временное лишение.

Я издевательски усмехнулся, глядя на его наглую физиономию.

— Помню-помню. Я что, по-твоему, похож на благотворительный фонд «Такси для лишенцев»?

— Какая муха тебя укусила? Помощь другу уже не в моде? — он нагло выгнул бровь, опираясь на локти и глядя на меня снизу вверх. — Напомнить, кто организовал сегодняшний десант из красоток? Я потратил полдня, чтобы выпечить этих деток специально для нас. Фигуры — отпад, личики — с обложки. Такие на дороге не валяются, Дэн. Так что давай, заводи свою тачку, ты мне за этот подгон по жизни должен.

— Ты неисправимый кретин, Андрей! — выкрикнул я, не сдержав смеха и качая головой от его наглости. — Хронический и неизлечимый.

Скинув одеяло, я направился в ванную, шлепая босыми ногами по прохладному полу. Уже оттуда, под аккомпанемент шума воды, я крикнул, стараясь перекрыть гул крана:

— Так куда мы держим путь, «логист» хренов? Куда мне нас везти на этот раз?

— К Эдику! — донесся из комнаты бодрый голос Андрея.

Я замер, так и не донеся зубную щетку до рта. Вода с шумом билась о фаянс раковины, но в ушах зазвенело от нехорошего предчувствия. Выглянув из-за двери ванной, я вперился в друга бешеным взглядом.

— Ты что, совсем берега попутал? — мой голос сорвался на рык. — Слышь, ты гонишь? Пошел нахрен, Андрей! Я эту дрянь в свою тачку не пущу. Даже не думай, что я подпишусь на такую подставу.

— Да хорош тебе, трус несчастный! — Андрей пренебрежительно фыркнул, картинно развалившись на кровати. — В этот раз ничего брать не будем, расслабься. Мой старик меня уже на мушке держит, спалил на прошлых выходках, так что нахрен мне такие мутки сейчас? Лишний геморрой не нужен. Просто Эдик мне бабки должен, и немало. Заберем долг и погнали к девчонкам. Без лишних движений.

— Слышишь меня? Никаких подстав, — бросил я через плечо, лихорадочно собираясь. — У моего отца терпение не резиновое, и он, в отличие от твоего, шутить не любит. Один косяк — и я труп.

Я быстро накинул шмотки, запрыгнул в любимые кроссовки и подхватил ключи от тачки. Металл привычно охлаждал ладонь. Мы спустились в паркинг, прыгнули в салон, пахнущий дорогой кожей, и вылетели на полупустую магистраль.

Стрелка спидометра металась, пока мы разрезали город, проскакивая перекрестки на запрещающий сигнал. Плевать на камеры и письма счастья — автоплатеж решит все проблемы с ГИБДД.

Тормознув у обшарпанного подъезда, я смерил здание брезгливым взглядом. Я даже не стал глушить мотор — давал понять, что задерживаться здесь не намерен ни на мгновение. Посмотрел на Андрея и максимально жестко, чеканя каждое слово, отрезал: — Слушай, делай что хочешь, но в эту клоаку я за тобой не полезу.

Место и правда выглядело паршиво, и лишний раз рисковать собой у меня не было ни малейшего желания.

— У тебя ровно десять минут, — добавил я, выразительно глядя на часы. — Задержишься хоть на секунду — пеняй на себя, пойдешь пешком. Ждать не стану, это я тебе обещаю.

Он уже тянулся к ручке, когда я заметил тлеющую сигарету у него в пальцах. Терпение окончательно лопнуло.

— И выкини ты уже эту гадость! Задолбал дымить в моём салоне, я этот вонючий запах на дух не переношу, потом неделю не выветришь.

Я фактически выставил его из машины, едва ли не подтолкнув в спину. Провожая его фигуру недовольным взглядом, я надеялся, что он хоть раз в жизни отнесется к моим словам серьезно. Но Андрей остался верен себе: на ходу бросил короткое „Через десять минут буду как штык!“ и вприпрыжку скрылся в темном зеве подъезда. Я едва успел засечь время на приборной панели, как дверь снова распахнулась. Прошло всего девять минут, а Андрей уже запрыгивал на переднее сиденье, буквально светясь от самодовольства. Его улыбка была шире некуда, а в руках он триумфально сжимал толстую, перетянутую резинкой пачку купюр, помахивая ею прямо у меня перед носом.

Весь его вид так и говорил: "Зря ты ворчал, всё схвачено". Не давая мне вставить и слова, он вальяжно нацепил на переносицу свои солнцезащитные очки и скомандовал так, будто мы только что выиграли джекпот:

— Ну что, шеф, погнали! Сначала заскочим переодеться в нормальный прикид — и сразу в гостиницу. Там нас уже заждались настоящие красавицы, так что не тормози!

Весь мой недавний гнев как-то сам собой сменился предвкушением, хотя я всё ещё пытался сохранить серьезное лицо.

Притормозив у салона, мы по-быстрому переоделись: сбросили повседневный шмот и натянули прикид посolidнее, чтобы соответствовать моменту. Прихорашиваться было неко-

гда — Андрей горел нетерпением. Прыгнули обратно в машину и рванули к его хвалёным «красоткам».

В гостинице он, не теряя ни секунды, уверенно зашагал по коридору и коротко, по-хозяйски постучал в нужную дверь. Ждать не пришлось. Дверь распахнулась почти мгновенно, и на пороге возникла настоящая мадама — эффектная брюнетка с глубоким цветом волос. Один только её взгляд давал понять, что вечер перестает быть томным, а Андрей, чертяка, на этот раз точно не преувеличивал.

Стоило нам переступить порог номера, как стало ясно: вечер обещает быть жарким. Нас уже ждали ещё две леди, чья красота могла бы ослепить, если бы не их наряды, которые приковывали взгляд куда сильнее. Платья на них были до невозможности открытыми — тонкие лоскутки ткани, которые лишь формально соблюдали приличия, едва прикрывая то, что необходимо для сохранения интриги.

На столике уже красовалась открытая бутылка вина, а по комнате разливался тонкий аромат спиртного. Взгляд у девушек был уже слегка затуманенным и расслабленным, что только добавляло им манящего очарования. Они встретили нас такими широкими и искренними улыбками, будто мы были их главной целью и единственным желанием на сегодняшний вечер. Казалось, во всём мире для них больше не существовало ничего, кроме нашего появления.

Следующий час пролетел как в тумане. Мы всю дегустировали вино, познакомились и бурно планировали, куда нас занесёт в продолжение этого безумного дня. Андрей времени зря не терял: он то и дело исчезал за дверями отдельной комнаты в компании двух знойных девиц, оставляя меня наедине с моей спутницей.

Я же оказался под прицелом пристального, обжигающего взгляда эффектной блондинки. Она явно не собиралась ограничиваться светской беседой. В какой-то момент она уже всю ерзала на моих коленях, обвив мою шею руками и буквально поглощая мои губы в жадном, бесконечном поцелуе. Её близость, аромат духов и эта откровенная настойчивость окончательно выбили у меня почву из-под ног, заставляя забыть обо всём на свете.

Я едва сдерживал себя, сжимая её податливое тело своими крепкими руками, чувствуя каждый изгиб под тонкими складками её платья. Страсть накалилась до предела. В какой-то момент она плавно соскользнула с моих колен и опустилась передо мной. На её лице заиграла дерзкая, нахальная улыбка, в которой читался вызов и полное отсутствие смущения. Не сводя с меня своего горящего взгляда, она уверенными движениями принялась расстегивать мои брюки, заставляя моё дыхание окончательно сбиться.

Алкоголь потихоньку делал своё дело: приятный хмель ударял в голову, окончательно стирая границы дозволенного и размывая окружающую реальность. Я практически перестал контролировать себя, когда её горячий язык и виртуозные ласки начали выбивать из меня тихие, сдавленные стоны. Глядя на неё сверху вниз, я видел её кукольное, невероятно красивое лицо; она то и дело прикрывала веки и блаженно закатывала глаза, ловя свой собственный кайф от процесса и нашей близости. В этот момент мир вокруг окончательно перестал существовать, сузившись до её прикосновений и нарастающего внутри жара.

Когда я почувствовал, что сдерживаться больше невозможно и я нахожусь на самом пике, я резким, властным движением впечатал её на всю глубину, выплескивая всё накопившееся напряжение и удовольствие. От неожиданности и силы этого рывка она на мгновение вся натянулась, как струна, а в её широко распахнутых глазах предательски блеснули слезы.

Однако это секундное замешательство быстро сменилось привычной маской: она отстранилась и, снова нацепив свою дерзкую, победную улыбку, потянулась ко мне за поцелуем, надеясь на продолжение нежностей. Но мой запал испарился так же быстро, как и возник. Я холодно проигнорировал её порыв, молча поднялся с дивана и принялся приводить себя в порядок, застегивая штаны и возвращая себе привычный невозмутимый вид.

На её лице промелькнула тень недоумения, брови слегка сошлись на переносице — она явно собиралась что-то сказать, возможно, возмутиться моей внезапной холодности. Но её слова так и остались произнесенными, потому что в этот самый момент дверь в комнату с шумом распахнулась и на пороге возник Андрей.

Вид у него был максимально довольный и энергичный, будто он только что зарядился бодростью на неделю вперёд.

— Ну что, народ, закругляйтесь! — бодро провозгласил он, оглядывая нас сияющим взглядом. — Вы как, готовы ехать в клуб? Я уже всё разрулил по своим каналам и обо всём договорился. Сегодня гуляем на широкую ногу — вход для нас абсолютно бесплатный, так что ноги в руки и погнали!

Не прошло и часа, как мы снова загрузились в мою машину. Атмосфера в салоне сменилась с напряженной на предвкушающую — впереди была ночь, и Андрей явно не собирался сбавлять обороты. Но прежде чем ворваться в эпицентр клубной жизни, мы сделали небольшую, но важную остановку.

Я подрулил к дому своего старого знакомого, который промышлял поставками серьёзного, элитного алкоголя. Нам вынесли то, что в обычном баре днём с огнем не сыщешь. Забросив бутылки в багажник, я покрепче сжал руль, утопил педаль в пол, и мы помчались навстречу ночным огням. Мотор довольно ревел, а в голове уже шумел предвкушаемый драйв.

Ночная Москва плавилась в золотом сиянии огней, отражаясь в лакированном капоте моего спорткара. Мы не просто ехали — мы разрезали этот город напополам, оставляя за собой лишь визг шин и шлейф дорогого парфюма. В салоне стоял оглушительный коктейль из басовых битов, запаха элитного алкоголя и восторженного смеха наших спутниц. Дамы предвкушали продолжение банкета, а я, вжимая педаль в пол, чувствовал себя королём этих джунглей из стекла и бетона. Очередной клуб ждал нас как свою главную интригу ночи, и я не собирался его разочаровывать.

Справа от меня, уютно устроившись в глубоком кожаном ковше, сидела моя спутница на этот вечер — очередная "одноразовая" королева, чьё имя я стёр из памяти ещё до того, как вошёл в номер. Она была безупречно красива и так же безупречно пуста. Её пепельно-белые волосы безумным вихрем бились на ветру, врывающемся в открытое окно, и хлестали по дорогой обивке салона, словно живое серебро.

В каждом её жесте сквозила наглая уверенность хозяйки положения — она вела себя так, будто вся Москва уже лежала у её ног только потому, что она оказалась в моей машине. Её ладонь бесцеремонно скользила по моему бедру, то поднимаясь к самому краю дозволенного, то замирая в дразнящем ожидании. Я видел в её глазах не страсть, а четкий, выверенный ценник. Она была хищницей, учуявшей запах больших денег, и я позволял ей эту игру. Мне нравилась эта дешевая имитация близости под басовитый рев мотора.

В зеркале заднего вида я наблюдал за тем, как Андрей, устроил себе персональный филиал прямо на кожаном диване моего авто. Две его девицы на вечер, окончательно потеряв стыд, сплелись в каком-то безумном клубоке из тел и волос. Они жадно пожирали друг друга языками, то и дело перетягивая моего друга на свою сторону, словно он был единственным призом в этой комнате на колесах. Андрей, поймав мой взгляд в отражении, лишь нагло ухмыльнулся и подмигнул мне, прежде чем окончательно зарыться лицом в пышное декольте одной из спутниц. Когда салон прошил её нескромный, влажный стон, я просто выкрутил ручку громкости до упора, заставляя басы глушить любые звуки реальности. Сделав глоток ледяного, обжигающего горло виски прямо из тяжелой бутылки, я вдавил педаль в пол. Нам было мало этой ночи. Нам было мало всего.

Мы летели по полупустой магистрали, выжимая из мотора всё, на что он был способен. Спидометр зашкаливал, а город превращался в размытую неоновую полосу. В этот момент моя спутница, окончательно отбросив остатки приличий, мёртвой хваткой впиалась в мои губы,

отчаянно вырывая всё внимание на себя. Хмель в крови смешался с чистым адреналином, а когда её ласковые, но требовательные руки нагло нырнули мне в штаны, повторное возбуждение ударило в голову похлеще любого виски. Я сорвался. Погрузил язык в её рот, отвечая на этот безумный напор, и лишь краем сознания пытался фиксировать дорогу, которая неслась нам навстречу со скоростью смерти.

В какой-то момент её напор перешёл все границы. Она навалилась на меня, полностью перекрывая обзор, и это грёбаное "шоу" начало меня по-настоящему бесить. Я попытался грубо отпихнуть её, освободить руки, но девчонка впилась в меня с какой-то хмельной, нечеловеческой хваткой, не желая отпустить свой трофей.

И тут случилось то, чего я подсознательно боялся весь этот вечер. Секундная потеря контроля — и реальность взорвалась. Руль рвануло из рук, нас вышвырнуло с трассы через двойную сплошную.

Мир вокруг вдруг перестал существовать, а время растянулось до бесконечности. В какой-то сюрреалистичной замедленной съемке я видел, как мой автомобиль превращается в неуправляемый снаряд, летящий напрямик сквозь сверкающие витрины. Мы буквально насквозь прошивали здание, снося на своем пути всё, что попадалось: элитные стеллажи, кресла и зеркала бьюти-салона разлетались в щепки.

Уши заложило от невыносимого скрежета деформирующегося металла и оглушительного звона разбивающегося в пыль стекла. Я почувствовал, как из моей груди вырывается крик ужаса, но он тут же захлебнулся и оборвался — я на полной скорости влетел лицом в мгновенно раскрывшуюся подушку безопасности. Удар был такой силы, что сознание начало медленно угасать в густом белом облаке талька и тишины.

Глава 2

Лиза

Я сидела в машине у здания суда, вцепившись пальцами в руль. Солнце слепило через лобовое стекло, но я даже не подумала опустить козырёк — просто смотрела на вход, ожидая, когда появится отец. Внутри шло очередное заседание — очередное сражение между ним и моей матерью.

Этот кошмар длится уже двадцать четыре месяца. Два года моей жизни превратились в бесконечный цикл из судебных исков, апелляций и запаха типографской краски от юридических бумаг. Я до сих пор просыпаюсь по ночам, пытаюсь осознать: как она смогла? Как родной человек умудрился переписать моё наследство на себя, оставив меня ни с чем? Видимо, она годами искала эти лазейки, подсовывая мне бумаги на подпись, пока я была слишком юной, слишком доверчивой, слишком... её дочерью.

«Мы будем бороться, Лизи. До конца», — сказал тогда папа. И он держит слово. Уже два года он — мой единственный щит. Я смотрела на вход в суд и молилась только об одном: чтобы сегодня эта битва за справедливость хотя бы на шаг стала ближе к финалу

Я взглянула на часы — заседание должно было закончиться ещё десять минут назад. В голове крутились вопросы: что там сейчас происходит? Удалось ли отцу найти новые доказательства? Прислушается ли судья к его доводам на этот раз? Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в руках. Так всегда — пока они там решают мою судьбу, я здесь, в машине, чувствую себя беспомощной куклой, которой дёргают за ниточки.

Заметив отца, выходящего из здания суда, я тут же выскочила из машины, забыв даже закрыть дверь. Он обернулся на звук шагов, и лицо его озарилось тёплой улыбкой.

— Привет, солнышко, — мягко произнёс он, раскрывая объятия.

Я бросилась к нему, и он крепко обнял меня, а потом поцеловал в щёку. Его серый пиджак слегка пах знакомыми духами — тем самым одеколоном, который он носил ещё с моего детства. За эти два года его лицо превратилось в карту нашей общей боли: морщины прорезали лоб глубже, чем раньше, а у глаз залегли тени, которые не смыть никаким сном. Он отрастил небольшую аккуратную бородку — она была почти полностью седой, как и его волосы, которые он привычным жестом зачесывал назад.

Седина "схватила" его виски слишком рано, выбеливая пряди с какой-то хищной жадностью. И всё же, несмотря на этот отпечаток усталости, папа выглядел безупречно. В своем идеально сидящем костюме, с прямой спиной и тяжёлым взглядом, он казался влиятельным бизнес-магнатом, ворочающим миллионами.

Собственно, так оно и было. Если смотреть на него со стороны, в жизни не догадаешься, что этот человек сейчас вынужден буквально выгрызть собственное имущество и моё будущее. Если бы не «старания» матери, он бы сейчас заключал новые контракты и расширял империю, а не тратил лучшие годы и здоровье на то, чтобы доказать очевидное в душных залах заседаний.

— Давно ждёшь? — тихо спросил он. Папа слегка отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза, но его ладони всё ещё надёжно лежали на моих плечах, словно он проверял, реальна ли я и не исчезла ли снова.

— Около пятнадцати минут, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринужденнее. Я выдавила самую светлую улыбку, на которую была способна, отчаянно пытаюсь скрыть за ней тот ледяной ком тревоги, что сдавливал мне грудь всё время ожидания. — Выглядишь превосходно, пап. Правда. Ни один адвокат в этом здании не сравнится с тобой.

Он скупо улыбнулся в ответ, и в уголках его глаз собрались лучики привычных морщинок.

— Спасибо, родная.

Его взгляд медленно скользнул по мне, теплея с каждой секундой. Вся та суровость, которую он демонстрировал судьям, мгновенно испарилась, уступив место отеческой нежности.

— И ты сегодня просто чудесна, — произнес он, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Пожалуй, платья идут тебе куда лучше, в них ты совсем взрослая. Но, — он на мгновение замолчал, и на его лице промелькнула та самая мягкая, чуть лукавая усмешка, которую я помнила с самого детства, — и в своих любимых штанах ты у меня красавица.

Он ласково, почти по-мальчишески, потрепал меня за щёку, и в этом простом жесте было столько любви, что я на миг забыла о документах, судах и предательстве матери.

Я невольно рассмеялась и чуть склонила голову набок, замирая от этого редкого, почти забытого проявления отцовской нежности. В такие моменты казалось, что мы — обычная семья, а не участники затяжной войны.

— Ты что, сделала ещё один прокол? — папа вдруг резко вскинул брови, прищурившись и внимательно вглядываясь в моё ухо.

Я лишь безмолвно кивнула, кончики пальцев сами собой коснулись прохладного металла нового украшения.

— Выглядит здорово, — он одобрительно кивнул, и в его голосе не было ни капли осуждения, только мягкое принятие. — Тебе действительно идёт, Лизи.

Папа всегда был моим негласным союзником во всём, что касалось самовыражения. В отличие от матери, которая придирчиво оценивала каждый мой жест, он принимал любые изменения в моей внешности с тем спокойным одобрением, которое давало мне право быть собой.

Больше всего на свете я ненавидела свой натуральный цвет волос. Каждый раз, глядя в зеркало, я видела в отражении её — тот же оттенок, ту же текстуру, ту же породу. Это казалось клеймом, которое невозможно смыть. Одно время я отчаянно пыталась краситься, но это было бесполезной битвой: корни отрастали предательски быстро. В переходный период, с этой нелепой полосой на голове, я выглядела, по собственным ощущениям, предельно отвратно. Это только добавляло злости — даже попытка избавиться от сходства с ней оборачивалась против меня.

Поэтому новый пирсинг был для меня чем-то большим, чем просто украшением. Это была территория, которую мать ещё не успела "пометить" своими правилами. И то, что папа сразу это заметил и поддержал, значило для меня гораздо больше, чем просто комплимент удачному проколу.

Он крепко приобнял меня за плечи, притягивая к себе, и мы медленно зашагали к машине. Как только за нами захлопнулись двери, отсекая шум улицы и тяжелую ауру суда, я решила нарушить тишину.

— Как всё прошло? — мой голос прозвучал тише, чем я планировала.

Отец не ответил сразу. Он лишь медленно покачал головой и принялся задумчиво отстукивать рваный ритм пальцами по обшивке дверцы. Этот звук действовал мне на нервы.

— Не совсем так, как я рассчитывал, — наконец глухо произнёс он, — но, по крайней мере, уже не полный провал. Твоя мать внезапно согласилась на небольшие уступки. Но за это пришлось заплатить её условиями ... — он замолчал, бросив на меня короткий, полный необъяснимой печали взгляд. — Она потребовала, чтобы ты проводила с ней время. Выходные, праздники ... что-то в этом роде.

— Что?! — я буквально подпрыгнула на сиденье, чувствуя, как внутри всё вспыхивает от праведного гнева. — С какой стати она этого захотела? После того, как она нас обобрала? После всего этого цирка?!

Папа лишь устало пожал плечами, и в этот миг он показался мне старше на десяток лет.

— Сам не знаю, Лизи. Возможно, это часть её новой юридической стратегии. Хочет создать образ "заботливой матери" для протокола. Но у меня не было выбора — без этого пункта она наотрез отказалась подписывать мировое соглашение.

Я резко отвернулась к окну, до боли сжимая пальцами руль. Гнев внутри клокотал, но, взглянув на его измученное лицо в отражении стекла, я поняла: я не могу сейчас добавить ему ещё и своей истерики.

— Ладно, пап. Мы со всем этим разберемся, обещаю, — я заставила себя улыбнуться, стараясь вложить в эти слова всю силу и уверенность, которых мне сейчас так не хватало.

Я снова повернулась к нему, и на мгновение наши взгляды встретились. В его глазах я прочитала бездонную усталость, но за ней робко проглядывала немая благодарность за то, что я не отвернулась.

— Конечно разберёмся, — повторил он чуть тише, скорее себе, чем мне, и коротко кивнул, словно ставя точку в минуте слабости.

Я повернула ключ в зажигании, и мой старенький «Форд» отозвался привычным ровным гулом. Этот звук всегда действовал на меня отрезвляюще. Бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида и убедившись, что путь свободен, я плавно выкрутила руль и тронулась с места, оставляя тяжёлое здание суда позади.

— Знаешь, пап, — добавила я, когда мы влились в поток машин и напряжение в салоне начало понемногу рассеиваться, — может, это даже наш шанс.

Я крепче сжала руль, чувствуя, как внутри вместо обиды просыпается холодный расчёт.

— Вдруг я смогу что-то выяснить, пока буду вынуждена находиться рядом с ней? Узнать, где она прячет документы, или найти те бумаги, которые не всплыли в суде... Если она хочет играть в «семью», я сыграю по её правилам, но в своих интересах.

Папа удивленно повернул голову в мою сторону. Его брови взлетели вверх, а затем на изможденном лице впервые за весь день расцвела настоящая, живая улыбка. В его взгляде промелькнуло узнавание — он увидел во мне ту самую деловую хватку, которая когда-то помогла ему построить состояние.

— Вот это настрой! — он коротко и довольно хлопнул ладонью по колену. — Моя девочка.

В этот момент я окончательно осознала: как бы невыносимо ни было находиться в одном доме с матерью, я выдержу. Теперь у меня была чёткая цель, а она превращала любую пытку в обычную тактическую задачу.

— Твоя работа уже закончилась? — спросил папа, когда мы пересекали залитый солнцем центр города. Он расслабился в кресле, но по привычке продолжал следить за дорогой.

— Не совсем, — я покачала головой, объезжая припаркованный грузовик. — На этой неделе придётся уезжать чаще, может, даже пару раз в будни. Одна из девчонок свалилась с гриппом, и мне нужно её подменить. Но ты не волнуйся, — я бросила на него быстрый взгляд, — я всё равно буду помогать тебе с делами, как и раньше. Мой график подстроится.

Я сделала паузу, вспомнив о его собственных заботах.

— Кстати, много в этот раз прибудет ребят?

Отец достал мобильный, быстро пролистал календарь и нахмурился, вглядываясь в экран.

— По списку — пятеро.

— Пятеро?! — я едва не нажала на тормоз от удивления. — Ужас ... Пять неадекватных сыночков и дочек богатых родителей, за которыми нужен глаз да глаз.

Я сокрушенно покачала головой, представляя масштаб предстоящего бедствия.

— Да уж, это лето обещает быть по-настоящему «весёлым».

— Как и все наши остальные летние сезоны, — подытожила я с горькой усмешкой.

Мы оба рассмеялись — этот короткий момент искреннего веселья смыл остатки напряжения. Мы были командой, и никакие капризные богачи или коварные матери не могли это изменить

Каждое лето наш дом превращался в своего рода исправительную колонию для "золотой молодежи". Мы принимали в лагерь разбалованных мажоров, чьи родители отчаялись привить им хоть каплю трудолюбия. Здесь они пахали на славу своего перевоспитания. Обычно всем процессом руководил отец — в этом ему не было равных, — а я лишь изредка помогала с организацией. Но иногда мне приходилось полностью подменять его, когда дела или суды требовали его присутствия в городе.

— Пап, открой бардачок, — бросила я, сосредоточенно глядя на дорогу, но внимательно следя за его реакцией.

Он послушно щёлкнул замком, и крышка плавно опустилась. Я боковым зрением увидела, как его глаза расширились, а дыхание на миг перехватило.

— Лизи... — выдохнул он, глядя на содержимое.

— Возьми их. Этого хватит, чтобы закрыть все счета, что накопились за время судов, — твёрдо сказала я.

Отец дрожащими пальцами начал доставать плотные пачки купюр, пересчитывая их взглядом. В салоне повисла тишина, нарушаемая только шелестом денег.

— Откуда столько, солнышко? — Он повернулся ко мне, и в его голосе смешались гордость и нарастающая тревога.

— Папа, я же говорила: ездила на подработки, давала частные уроки танцев, — я старалась, чтобы мой голос звучал максимально обыденно, хотя сердце колотилось о ребра. — Город огромный, желающих научиться красиво двигаться — пруд пруди. А работать с богатыми клиентами куда выгоднее, чем кажется. Так что бери и не вздумай спорить. Нам сейчас не до гордости.

Мне было невыносимо жаль, что приходится кормить его этой ложью. Каждый раз, когда я скрывала правду о своем настоящем заработке, внутри что-то надламывалось. Но я знала: это меньшее из зол. Пусть лучше он верит в невинные танцы, чем узнает, какой ценой достаются эти деньги. Зато теперь у нас было всё, о чем мы могли только мечтать в нашей ситуации

— Кстати, я записалась в тату-салон, — добавила я, стараясь говорить как можно неприужденнее. — Буду уезжать на пару часов, если появятся заказы.

Отец нахмурился, в его глазах читалось желание возразить.

— Лизи, может, тебе лучше передохнуть этим летом? Ты и так набрала на себя слишком много.

Я лишь пожала плечами, плавно вписываясь в поворот к нашему дому.

— Ты же знаешь, я не умею просто сидеть в четырёх стенах. Безделье меня убивает. А вот тебе действительно стоило бы взять паузу. Ты выглядишь чертовски усталым, пап.

Как только мы добрались, я, не раздеваясь, рухнула на кровать в своей комнате. Пружины жалобно скрипнули, принимая мой вес. Сил не было даже на то, чтобы стянуть кроссовки.

Лето только начиналось, а я уже чувствовала к нему жгучую, доходящую до зубного скрежета ненависть. Я до безумия не любила этот сезон — именно из-за нашего «мажористого» лагеря. Терпеть выходки капризных деток и их вечные истерики было выше моих сил. Но здравый смысл брал верх: это был единственный способ заработать достаточно, чтобы мы могли безбедно просуществовать всю зиму.

Родители этих идиотов были готовы платить баснословные деньги за то, чтобы кто-то другой взял на себя сомнительное удовольствие их «наказывать» и перевоспитывать. Грязные деньги за грязную работу, но именно они давали нам право на вылет из этой ямы.

Целую неделю мы жили в режиме штурма. Подготавливали лагерный домик, вычищая каждый угол, закупали горы провизии по спискам и, что самое важное, скрупулезно составляли графики так называемых "наказаний".

На самом деле это была суровая трудотерапия, но для этих неженков любая работа по дому и ферме приравнивалась к каторге.

Несмотря на всю мою ненависть к лету, в глубине души я чувствовала странный, почти азартный трепет.

Я была в предвкушении. Мне не терпелось увидеть этих идиотов, посмотреть в их нахальные рожи, когда они поймут, что здесь их дизайнерские шмотки и родительские связи не значат ровным счётом ничего.

У моего отца была безупречная репутация в определенных кругах. Ещё ни один мажор, каким бы испорченным он ни был, не уходил от него прежним. Папа умел ломать их спесь, не повышая голоса, и я намеревалась помогать ему в этом с особым удовольствием.

Мы были готовы встречать гостей.

На рассвете следующего дня, когда солнце едва коснулось горизонта, мы с отцом уже были на посту. Ровно в пять утра, окружённые прохладным утренним туманом, мы стояли у ворот, преграждающих путь к нашему лагерю.

Тишину сонного леса бесцеремонно нарушил гул моторов. Одна за другой мимо нас проплывали баснословно дорогие тачки, сверкая отполированным хромом.

Они чинно парковались на специально отведённом пятачке, поднимая облака пыли.

Папа тут же включил режим «хозяина положения»: он приветливо, но сдержанно здоровался с водителями, которые на поверку оказывались теми самыми влиятельными родителями, решившими сдать своих чад в наши ежовые рукавицы.

Я же в это время стояла чуть поодаль, сложив руки на груди, и с нескрываемым интересом наблюдала за главным «шоу». Из недр кожаных салонов начали буквально «вытекать» виновники торжества.

С недовольными, заспанными мордами, на которых читалось высшее презрение к окружающей действительности, они выбирались на гравий. Кто-то брезгливо отряхивал брендовую толстовку, кто-то с ужасом озирался на наши простые постройки, понимая, что ближайшие месяцы его личный ад будет выглядеть именно так.

Я невольно обводила взглядом каждого, предвкушая, как быстро с них слетит эта спесь под моим и отцовским присмотром.

— Итак! — Папа звонко хлопнул в ладоши, и этот звук, словно выстрел стартового пистолета, заставил разношёрстную толпу из холёных родителей и их надутых чад мгновенно замолчать. — Лизи, солнышко, подойди-ка ко мне.

Я неспешно оттолкнулась от забора, сохраняя на лице маску ледяного спокойствия, и направилась к нему. Папа по-хозяйски приобнял меня за плечи, представляя аудитории.

— Знакомьтесь, это моя дочь, Лиза. В это лето именно она станет вашим главным наставником. Если возникнут вопросы или нужды — обращаться непосредственно к ней.

Я почувствовала, как по рядам «золотой молодёжи» пробежал шепоток, а парочка парней обменялись скептическими смешками. Но папа ещё не закончил.

— В этом году я решил немного ослабить хватку и передать бразды правления в её руки. Поэтому распределение всей работы и контроль за выполнением наказаний теперь полностью на ней. Я буду руководить процессом только в те часы, когда Лиза будет отсутствовать по делам. Так что советую привыкать к её правилам с первой же минуты.

Я выпрямила спину, чувствуя на себе десятки оценивающих, а порой и откровенно дерзких взглядов. Папа буквально бросил меня в клетку к тиграм, но он знал: я умею дрессировать и не таких. Теперь их «весёлое лето» официально перешло в мои руки.

— Скажи что-нибудь, дочка, — папа одобрительно похлопал меня по плечу, передавая «сцену».

Я коротко кивнула и сделала уверенный шаг вперёд. Воздух между мной и этой толпой мажоров будто наэлектризовался.

— Как уже сказал мой отец, меня зовут Лиза. Но запомните сразу: для каждого из вас я — Елизавета Владимировна, — мой голос прозвучал сухо и твёрдо. — Мне глубоко плевать на ваш возраст и на то, чьими фамилиями вы привыкли прикрываться.

Я медленно обвела взглядом строй подростков. Родители за спинами своих чад начали хмуриться, по рядам прошел гул возмущения, но я даже не дрогнула.

— С сегодняшнего дня ваша «золотая ложка» в заднице перестает быть пропуском в счастливую жизнь. Сегодня вы официально заканчиваете мозолить глаза своим предкам и переходите под нашу власть. Ближайшие три месяца ваша жизнь сосредоточена здесь, и правила тут устанавливаю я.

Я указал рукой на приземистое деревянное здание за их спинами.

— Можете отправляться в лагерный дом. Располагайтесь, разбирайте вещи. Можете занимать по комнате на каждого или заселяться группами — мне безразлично, как вы будете делить пространство, которое скоро станет вашей единственной реальностью. У вас есть час.

Мажоры нехотя подхватили свои чемоданы, бросая на родителей полные негою отчаяния взгляды, но я ещё не закончила свой «приветственный» перформанс.

— Ах да, и ещё кое-что, — я с глухим стуком пнула тяжелый пластиковый ящик, стоявший у моих ног. — Все мобильники, планшеты и ноутбуки — сюда. Сдаете всё, что имеет экран и выход в сеть.

В толпе повисла гробовая тишина, которую тут же прорезал тонкий, почти ультразвуковой писк одной из девиц: — Что?! Нет! Я не отдам! У меня там вся жизнь!

Я смерила её холодным, непроницаемым взглядом:

— В таком случае, твоя «жизнь» может грузиться обратно в папин мерседес и катиться на все четыре стороны. Здесь правила выполняются беспрекословно. Нарушаешь — получаешь наказание. Третьего не дано.

Она осеклась, прижимая к груди новенький айфон, но под моим взглядом её запал быстро иссяк.

Затем я переключила внимание на родителей, чьи лица вытянулись от моей прямолинейности.

— Теперь информация для вас. Раз в месяц у вас есть один день, чтобы навестить своё чадо. Если возникнут экстренные бизнес-вопросы, требующие его личного присутствия, — звоните мне или отцу. Мы рассмотрим вашу просьбу в индивидуальном порядке, но только при условии заблаговременного согласования.

Родители, как ни странно, лишь одобрительно закивали — они платили именно за то, чтобы кто-то наконец приструнил их неуправляемых детей.

— Господа взрослые, прошу за моим отцом. Вам нужно подписать договоры и прослушать вводный инструктаж. А вы, — я жестко ткнула пальцем в сторону ящика, обращаясь к мажорам, — складывайте своё барахло и проваливайте в дом.

Родители начали подталкивать своих чад в спины, заставляя их шевелиться. С площадки доносились обрывки криков: кто-то из отцов уже сорвался на своего отпрыска, не желающего брать тяжёлую сумку. В этом шуме ко мне подошёл один из мужчин — внушительных размеров господин в дорогом костюме, от которого за версту веяло властью и тяжелым парфюмом.

— Прошу прощения. Лиза, верно? — спросил он, внимательно изучая меня взглядом.

Я коротко кивнула, не отводя глаз.

— Вы там уж как следует надерите задницу моему идиоту, — он кивнул в сторону высокого черноволосого парня, который стоял поодаль, скрестив руки на груди и всем своим видом демонстрируя презрение. — Его зовут Илья. Мне крайне важно, чтобы вы поставили его на место. Хватит с него вольной жизни.

Я снова кивнула, на этот раз чуть медленнее, фиксируя цель.

— Именно для этого наш лагерь и существует. Мы прекрасно понимаем, чего вы ждете от своих детей, и, поверьте, мы знаем, как этого добиться.

Я посмотрела на Илью, который в этот момент бросил в нашу сторону колючий взгляд, и оскалилась в хищной, почти пугающей улыбке, даже не пытаясь скрыть своего торжества.

— Не волнуйтесь, вашим паршивцам тут будет ... «здорово».

Мужчина на мгновение замер, оценив мой напор, а затем одобрительно хмыкнул.

— Ты молодец. Здорово, что у Владимира такая прекрасная и хваткая дочь.

Он напоследок похлопал меня по плечу — жест, который я едва стерпела, — и направился к отцу подписывать бумаги.

Теперь Илья был в моем списке под номером один.

Кивнув отцу, мы разошлись в разные стороны: он уверенным шагом повел родителей в свой кабинет для улаживания бумажных формальностей, а я, чеканя шаг, направилась вслед за нашей «золотой пятеркой».

Шествие сопровождалось бесконечным нытьем. Мажоры плелись по коридору, брезгливо разглядывая стены и двери, будто оказались в декорациях фильма ужасов про заброшенную лечебницу.

— Это что, серьезно всё?! — взвизгнула та самая любительница айфонов, замирая на пороге своей комнаты. — Только кровать, окно и шкаф? Вы издеваетесь? Где зеркало в пол? Где кондиционер?!

Я молча замерла в дверном проеме, скрестив руки на груди. Мой взгляд медленно скользил по лицам тех, кто теперь был в моей полной власти. Наш «улов» на это лето: две девицы, чьи лица выражали крайнюю степень оскорбленного достоинства, и трое парней.

Один из них — Илья — всё так же стоял чуть в стороне. Он единственный не участвовал в общем гомоне, но его молчание было колючим. Остальные двое парней уже начали ссориться из-за того, кому достанется койка у окна.

— Привыкайте, — сухо бросила я, обрывая очередной приступ истерики у блондинки. — Здесь вам не пятизвездочный отель. Здесь — реальность. У вас пять минут на то, чтобы бросить сумки и выйти на построение.

Я чувствовала, как внутри закипает азарт. Впереди было три месяца, и я собиралась сделать так, чтобы каждый из этой пятёрки запомнил это лето навсегда.

Глава 3

Денис

Отец мерил мою палату тяжёлыми, размашистыми шагами. От стены к стене, как запертый в клетке зверь. По его лицу я видел — он в ярости, и каждое его слово летело в меня, словно камень.

— Это просто невыносимо, Денис! — рявкнул он, едва сдерживая ругательства, которые так и сыпались из него. — Ты переступил все границы. Ты хоть на секунду включил свои мозги? Тебе уже двадцать. Ты вообще в курсе, чья это дочь? Если эта девчонка не выйдет из комы, её папаша сожрёт меня с потрохами, и от нашего бизнеса мокрого места не останется!

Я чувствовал, как внутри закипает ответная злость. Почему всегда виноват я?

— А я тут при чём? — я вскинулся, не собираясь молчать. — Она сама на меня набросилась, буквально шевельнуться не давала. Я пытался эту овцу от себя отодрать, но она вцепилась в меня как безумная, как дикая кошка! Знаешь что? Ты проверь её на наркоту. Вот увидишь, там такой коктейль в крови, что её отец тебе ещё и должен останется, лишь бы мы рот не открывали.

Отец резко остановился и полоснул по мне таким суровым взглядом, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— Заткнись, щенок, — процедил он сквозь зубы. — Я сыт по горло твоими выходками и замашками «золотого мальчика». Твоя мать тебя забаловала, а я, старый дурак, шёл у неё на поводу, потакал каждому твоему капризу. Но всё, лавочка закрыта. С меня хватит.

Он подошел ближе, и в его глазах я прочитал приговор.

— Завтра ты отправляешься в лагерь на ферму к Владимиру Лисину. Думаю, ты прекрасно понимаешь, о каком месте идёт речь ... Твой бывший дружок там уже отметился, так что ты в курсе, какая там «школа жизни» тебя ждет.

— На то он и бывший, — я не удержался от кривой усмешки, хотя внутри всё сжалось. — Стал до боли правильным, просто тошно смотреть. Аж святостью за версту несёт.

Отец даже не улыбнулся. Наоборот, его лицо ещё больше окаменело.

— Вот и прекрасно, — отрезал он. — Значит, у них отличная репутация по исправлению таких подонков, как ты. Будешь вкалывать там всё лето. А если не дойдет через руки — останешься и на зиму. Ты меня услышал? — Он шагнул вплотную, подавляя меня своим авторитетом. — Попробуешь вякнуть или сбежать — забудь про мой кошелек и любую помощь. Оставлю с голой задницей на улице, и мать тебе не поможет, я об этом позабочусь.

Меня будто током ударило. Паника холодными пальцами мазнула по спине. Я резко подскочил на кровати, забыв о боли.

— Эй, отец, ты чего? Ты ведь это не серьезно, да? Ну, признаю, сглупил, занесло на повороте ... Больше не повторится, честное слово! Просто остынь, давай нормально поговорим.

— Я сказал — нет! — рявкнул он так, что, казалось, стены задрожали.

В этот момент дверь приоткрылась — какая-то медсестра попыталась войти в палату, но отец обернулся и кинул на неё такой яростный взгляд, что она едва не выронила поднос.

— Пошла вон! — гаркнул он, и беднягу как ветром сдуло.

Он снова повернулся ко мне, и в его глазах я увидел не просто злость, а глубокое разочарование.

— Ты, малец, наверно, забыл, чей ты сын? Ты мне принёс столько дерьма и проблем, что я их по сей день расхлебать не могу. Хватит. Твой лимит доверия обнулён. — Отлежишься на дне, — бросил отец уже у двери. — Всем скажу, что ты на отдыхе. Ни одна душа не узнает, где ты на самом деле. Но если выкинешь хоть одну дрянь из своей тупой башки — обещаю, ты горько пожалеешь.

Дверь за ним захлопнулась с таким грохотом, что в ушах зазвенело.

— Вот же урод! — взвыл я и с размаху опрокинул стойку с капельницей. Железо с лязгом полетело на пол.

Тут же в дверях нарисовалась медсестра, вся дрожа от страха.

— Господин Градов, вам нужно сделать новую перевязку.

— Свали в туман, сам справлюсь! — рыкнул я, и она, испуганно поставив железный поднос на тумбочку, пулей вылетела из палаты.

Я доковылял до зеркала и скривился. — Ну и красавчик ты, Дэн. Бровь была разворочена в хлам, и свежая кровь уже лезла сквозь чистую марлю. Вся морда в мелкую сеточку от осколков лобового, а синяки расцветали такими красками, что любо-дорого смотреть. — Ну что сказать, вылитый курортник, только пальмы не хватает. И что, старик реально хочет, чтобы я с такой рожей катился в этот убогий лагерь? Ладно, хрен с тобой. Потерплю три месяца. Я не идиот, чтобы из-за гордости лишаться отцовского бабла. Без его счетов я никто, а возвращаться к жизни на одну стипендию не входило в мои планы.

Спустя пару часов у входа в клинику меня уже ждал Андрей. Прикатил на моей новой тачке, гад. Рядом с ним на пассажирском сидела одна из тех девиц, что были с нами в ту ночь.

— Воу, вот это у тебя рожа! — Андрей заржал, едва я подошёл, и полез обниматься. — Ну ты и расписной!

— Завались, — буркнул я, оценивая его масштаб повреждений.

— Анжелику помнишь? — он кивнул на девчонку. — Мы, как видишь, почти не пострадали. У меня вот только фингал.

— А с тобой че? — я перевел взгляд на неё.

Она лишь лениво махнула рукой: — Я супер. Андрей меня собой закрыл, так что только испугом отделалась.

— Ну ты и герой, — фыркнул я. — Давай ключи.

Я выхватил у него связку и уселся за руль. Нужно было прочувствовать скорость, пока меня не заперли на грёбаной ферме среди коров и навоза.

— А что со второй девчонкой? — я перевел взгляд на друга, стараясь, чтобы голос звучал буднично, хотя внутри неприятно кольнуло.

— Да нормально всё, — Андрей пожал плечами, как будто речь шла о поцарапанном бампере. — Лёгкое сотрясение, пару дней в палате повалается и выйдет. А вот блондинке ... — он замолчал на секунду и скривился, — ей явно не повезло. Вылетела через лобовуху, как снаряд из пушки. Шансов там было немного.

Я сжал руль крепче. Перед глазами на миг вспыхнул тот момент: визг тормозов и то, как тело девчонки, которую я даже по имени толком не запомнил, прошибает стекло.

— Её отец в ярости, — тут же вклинилась Анжелика, высунувшись с заднего сиденья. — Врачи вообще молчат, никаких прогнозов. Но эта дура сама виновата: куда ты лезешь к водителю, когда он на скорости?

Я поморщился от её резкого голоса и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Ты в курсе, она принимала что-нибудь? — бросил я ей, надеясь на подтверждение своей правоты.

Анжелика уверенно кивнула, даже не сомневаясь.

— Ещё бы. Прямо перед тем, как вы заехали, она закинулась парой «колёс». У неё брат этим промышляет, постоянно ей подгоняет всякую дрянь.

Я лишь хмыкнул. Значит, я был прав. Если она была под кайфом и сама полезла под руку, то вся эта история с комой — её личный выбор. Пусть теперь папаша-олигарх разбирается со своим сыночком-дилером, а не вешает всё на меня.

— Ну вот и ответ, — я вдавил педаль газа, чувствуя, как тачка послушно рвёт с места. — Будет что предъявить, если её старик решит поиграть в правосудие.

— Андрей, — я посмотрел на него максимально серьёзно, так, что он даже перестал скалиться. — Мне придётся исчезнуть на все лето. Сам понимаешь, старик в полнейшем неадеквате, рвёт и мечет. Тачку пока оставляю тебе, но предупреждаю сразу: если хоть царапину на ней увижу или, не дай бог, раздолбаешь — будешь ходить с рожей в десять раз хуже моей. Усёк?

Тот лишь расплылся в довольной ухмылке и уверенно кивнул.

— Не ссы, бро! — он подмигнул Анжелике в зеркало. — Мы с моей красоткой будем за ней ухаживать как за родной. Пылинки сдувать будем, обещаю.

— Да мне плевать, как и что вы там будете с ней делать, — отрезал я, даже не глядя в сторону Анжелики. — Просто не разбей. Прилетит хоть один штраф — я лично позабочусь, чтобы ты прав лишился навсегда. Связей отца на это точно хватит.

Андрей притворно сморщил нос и картинно запричитал: — У-у-у, ну ты и злыдня, Дэн! Прямо тиран во плоти. Расслабься, всё будет в ажуре.

Я вышел из машины, чувствуя, как внутри всё закипает. Глядя, как моя тачка скрывается за поворотом, я ощутил себя так, будто у меня заживо вырвали кусок свободы.

Едва я ступил на порог, как на меня коршуном налетела мать. Вид у неё был такой, будто она сама только что вышла из-под обстрела: глаза на мокром месте, руки дрожат. Она тут же вцепилась в мои плечи, принимаясь с ужасом изучать мой «боевой раскрас».

— Боже, Дениска, на тебе же живого места нет! Что с тобой стало? — причитала она, едва не заходясь в истерике. — Отец вне себя, он даже близко меня не подпускает, слушать ничего не желает! Ты в этот раз напортачил хуже некуда, сын, это просто катастрофа ...

Я чувствовал себя как экспонат в музее, который пытаются ощупать все желающие. Это её вечное «Дениска» и жалостливый взгляд бесили сильнее, чем ноющая бровь.

— Ма, ну хватит, нормально всё со мной! — я попытался аккуратно, но твёрдо отцепить её руки от своего лица. — Просто пара царапин, до свадьбы заживёт. Пройдёт через неделю, и следа не останется. Лучше скажи, старик реально настроен серьёзно насчет этой ссылки?

Мать лишь кивнула, подтверждая мои самые худшие опасения.

— Он уже созвонился с Лисовым, — тихо произнесла она, не поднимая глаз. — Группа ребят уже набрана и укомплектована, свободных мест не было. Но ты же знаешь, Владимир — старый друг твоего отца, поэтому он сделал исключение и согласился впихнуть тебя к остальным.

Она бегло окинула взглядом холл, будто уже видела там мои собранные чемоданы.

— Тебе нужно собрать вещи прямо сейчас. Завтра в четыре ты должен быть уже на месте.

— Ну, в четыре — это ещё по-божески, — хмыкнул я, прикидывая, что успею завалиться в кровать после обеда и хоть немного прийти в себя. — Выплюсь хотя бы напоследок.

Мать замолчала и медленно опустила голову, избегая моего взгляда. В воздухе повисла нехорошая пауза.

— Нет, Дениска ... — выдохнула она почти шепотом. — В четыре утра.

Моя челюсть едва не встретилась с полом. Четыре утра? Он что, издевается? Это уже не лагерь, это какая-то зона строгого режима начинается.

— Какого хрена?! — я аж на месте подпрыгнул. — Я вам что, петух ранний, чтобы кукарекать первым на деревне? Чёрта с два я куда-то поеду в четыре утра!

Я крутанулся на пятках и быстрым шагом направился к лестнице, в свою комнату. Но мать не отставала — семенила своими маленькими ножками за мной, едва успевая. Её чёрные локоны буквально развевались на ходу, пока она пыталась меня догнать.

— Сынок, остановись! Ты разозлишь отца ещё больше, — взмолилась она, запыхавшись. — Ты что, хочешь снова оказаться в той общаге с тараканами, как в прошлом году?

Я резко затормозил, и она чуть не врезалась мне в спину. Чёрт. Удар ниже пояса. Воспоминания о той помойке с насекомыми и облезлыми стенами мгновенно остудили мой пыл. Ладно, старик умеет затягивать гайки.

— Ладно, — выдохнул я, сдаваясь. — Я соберусь.

Я повернулся к ней, притянул к себе и коротко поцеловал в щёку, осторожно смахнув пальцем слезинку.

— Всё нормально, мам. Не переживай, не на войну же еду.

Мать была единственным человеком в этом доме, с кем у меня были нормальные, человеческие отношения. И как бы я ни бесился, доводить её до нервного срыва своими выходками мне совсем не хотелось.

Каким бы подонком я ни казался окружающим и сколько бы проблем ни доставлял отцу, мать всегда оставалась для меня единственным святым человеком. Она была моим единственным «тылом», и видеть её слезы из-за моих косяков было паршиво даже для такого эгоиста, как я. Только ради неё я готов был засунуть свою гордость поглубже и подчиниться этому безумному графику.

К вечеру сборы были закончены. Я накидал в сумку всё самое необходимое, но главной ценностью были наушники. Мой личный спасательный круг. Если этот «лагерь» окажется такой дырой, как я себе представляю, я просто воткну их в уши, врублю звук на полную и не буду слушать ни тупых фермеров, ни их поучений, ни бляения овец. Это будет мой единственный способ не сойти там с ума от скуки и навоза.

Проверив зарядку на гаджетах, я бросил сумку у двери. Оставалось всего несколько часов тишины перед тем, как начнется этот «исправительный» кошмар.

Выехали мы в глубокой ночи, когда на часах было всего два часа. Город за окном казался вымершим, и я изо всех сил пытался провалиться в сон на заднем сиденье, чтобы хоть как-то пережить эту бесконечную дорогу. Но у отца были другие планы: он зудел мне над ухом, как назойливая муха, не давая ни секунды покоя.

— Денис, ты меня вообще слушаешь?! — его голос прорвался сквозь плотный бас в моих ушах.

— Че? — я нехотя вытащил один наушник, чувствуя, как внутри всё закипает от раздражения.

— Убирай это немедленно! — зло огрызнулся он, сверкнув глазами в зеркало заднего вида.

Я картинно закатил глаза и со вздохом зашвырнул наушники в сумку.

— Да что опять-то? — вспыхнул я. — Мало того, что ты подрываешь меня посреди ночи и тащишь в эту глухомань, так ещё и поспать не даёшь! Какую такую великую мудрость я должен от тебя услышать, чего я ещё не знаю?

Отец лишь сильнее вцепился в руль, и я понял: лекция о моем «светлом будущем» среди навоза только начинается.

— Я везу тебя туда не только для того, чтобы выбить из твоей башки всё это дерьмо и исправить твой паршивый характер, — отец чеканил каждое слово, не отрывая взгляда от ночной дороги. — Мне нужно, чтобы ты вообще не отсвечивал и не мелькал перед глазами, пока я разгребаю ту кучу проблем, которую ты наворотил.

Он на мгновение обернулся, и в полумраке салона его взгляд показался мне по-настоящему пугающим.

— Ты должен быть по гроб жизни благодарен за то, что мы с матерью для тебя делаем! А что ты? Заткнул уши своими наушниками, и тебе на всё плевать? Всё по барабану? — голос его сорвался на рык. — Я предупреждаю тебя в последний раз, Денис. Попробуй только выкинуть какой-нибудь фокус или, не дай бог, самовольно показаться в городе раньше времени ... Ты тогда на собственной шкуре узнаешь, что такое настоящая «весёлая» жизнь. После этого ферма тебе раем покажется.

Я промолчал, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Старик не шутил. Сейчас он был готов стереть меня в порошок, лишь бы спасти репутацию семьи. Я отвернулся к окну, наблюдая, как огни ночного города сменяются бесконечным чёрным лесом.

— Понял я, — бросил я ему, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично, хотя внутри всё клокотало от его угроз. — А теперь, если ты позволишь, я бы всё-таки хотел поспать.

Я демонстративно отвернулся к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Отец что-то ещё проворчал себе под нос — видимо, мой тон его не устроил, — но продолжать этот бессмысленный допрос не стал. В салоне повисла густая тишина, прерываемая только ровным гулом мотора и шорохом шин по асфальту.

Я закрыл глаза, пытаюсь прогнать из головы образ той аварии и лицо матери, но перед мысленным взором маячила только одна картина: бесконечные поля, грязь и рожа этого Лисова, который, судя по рассказам, спуску мне не даст. Сон пришёл тяжелый и тревожный, прервавшись лишь тогда, когда дорожную подвеску внедорожника начало неслабо трясти на разбитой грунтовке.

Мы приехали.

Глава 4

Лиза

Четыре утра. Самое паршивое время, когда сон ещё давит на веки, а реальность уже требует бодрости. Я сидела в кабинете отца, развалившись в кресле и наблюдая, как он методично постукивает пальцем по полированной столешнице, не отрываясь от каких-то отчётов. Тишина в комнате нарушалась только этим ритмичным звуком, который начинал действовать мне на нервы.

— Ну и где этот твой распрекрасный Градов? — я нарушила молчание, не скрывая скепсиса в голосе. — Сказали же — быть в четыре ровно. А сейчас уже десять минут пятого.

Я демонстративно вскинула руку и постучала пальцем по циферблату своих часов, глядя на отца. Он даже бровью не повел, пропуская мой вызывающий тон мимо ушей. За столько лет он уже выработал иммунитет к моей дерзости и бунтарскому характеру.

— Ещё немного подождём, — отозвался он спокойно, по-прежнему не поднимая глаз от бумаг. — Мало ли что на дорогах, путь неблизкий.

Наступила пауза, во время которой я лениво крутила в пальцах дорогую ручку, представляя, что за «подарочек» нам сейчас привалят.

— Ты уже приняла решение, куда его пристроишь? — спросил отец, наконец взглянув на меня.

Я коротко кивнула, на моих губах заиграла предвкушающая усмешка.

— Поселится в комнате с Ильёй. Тот всё равно там один обитает, вот и пусть делят территорию. Посмотрим, как эти двое «героев» научатся уживаться в одном пространстве. Дисциплина им обоим пойдет только на пользу.

Отец одобрительно кивнул, соглашаясь с моей расстановкой сил.

— Хорошо. Завтра я уеду по делам на весь день, так что всё хозяйство и новички остаются на тебе. Справишься, Лизи?

Я выпрямилась в кресле и уверенно встретила его взгляд.

— Конечно, пап. Даже не переживай. Уж я-то найду, чем занять нашего гостя, чтобы у него из головы вся дурь выветрилась.

— Только прошу, оставь их живыми к моему приезду, — бросил отец, в его голосе слышалась неприкрытая ирония.

Я лишь звонко рассмеялась в ответ. В этот момент тишину предрассветного утра прорезал отчётливый хруст гравия под шинами. Ну вот и всё, время вышло.

Я лениво поднялась с кресла, потянулась и не спеша направилась к выходу, на ходу поправляя одежду.

— Вот и наши «прекрасные» гости пожаловали, — бросила я через плечо. — Спокойная жизнь официально закончилась, пап. Готовимся слушать новые порции нытья и воплей о том, как здесь скучно и пахнет навозом.

Отец проводил меня взглядом и лишь покачал головой, на его губах играла понимающая усмешка.

— Знаешь, я этому парню уже заранее не завидую, солнышко. Такой надзиратель, как ты — это настоящий кошмар для любого мажора.

— Да ладно тебе, пап, — я обернулась в дверях и лукаво подмигнула ему. — Я буду с ним само очарование ... Ну, по крайней мере, первые пять минут.

Я вышла на крыльцо, щурясь от света фар, которые разрезали серые сумерки.

Из дорогого внедорожника вышел высокий, статный мужчина с благородной проседью в волосах — типичный образ властного отца. Он не стал церемониться: открыл заднюю дверь и буквально за шкирку выставил наружу сонного парня. Тот что-то недовольно бубнил себе под

нос, еле переставляя ноги, а следом по асфальту с грохотом пролетели его сумки, которые отец безжалостно вышвырнул из багажника прямо ему под ноги.

Такая суровая «родительская забота» меня ничуть не удивила — здесь и не такое видели. А вот внешность этого Градова заставила меня на секунду задержать взгляд. Его волосы были разделены на два цвета: ровно половина головы ослепительно белая, а другая — угольно-чёрная. Я была уверена, что это результат долгой работы парикмахера, а не причуда природы, но выглядело это чертовски эффектно и даже классно, особенно в тусклом свете зари.

Я скрестила руки на груди, наблюдая за этим зрелищем с крыльца. Ну что, «двуликий», добро пожаловать в наш скромный ад.

— Вы опоздали, — отрезала я, не скрывая раздражения и покрепче скрестив руки на груди. Мой взгляд буквально пригвоздил гостей к месту.

В этот момент за моей спиной бесшумно вырос отец, обозначая своё присутствие.

— Подумаешь, всего пятнадцать минут, — буркнул парень, лениво косясь на свои часы и потирая заспанное, помятое лицо. Тон у него был такой, будто мы тут все ему по жизни обязаны.

Старший Градов лишь картинно закатил глаза на выходку сына и двинулся навстречу моему отцу.

— Прощу прощения, Владимир. Связь здесь чертовски неустойчивая, навигатор взбесился, и я свернул не туда на развилке, — он протянул руку для крепкого мужского рукопожатия.

— Познакомься, Сергей, это моя дочь Лиза, — отец кивнул в мою сторону. — В этом году она будет наставником для твоего сына.

Градов-старший замер и смерил меня оценивающим взглядом, в котором сквозило явное сомнение.

— Не слишком ли она молода для такой роли? — в его голосе проскользнуло пренебрежение.

— Вашего балбеса перевоспитать точно сил хватит, — отчеканила я, не отводя глаз.

У него аж брови на лоб полезли от такой наглости. Видимо, он привык, что девчонки в его окружении только мило улыбаются и молчат. Мой отец лишь довольно усмехнулся и по-дружески похлопал его по плечу.

— Не переживай, у неё огромный опыт по таким «сложным» персонажам. И поверь, Сергей, ей лучше не грубить. Лиза не посмотрит, кто ты и на какой тачке приехал — в один миг полетишь на капот собственной машины.

Градов на секунду опешил, а потом вдруг искренне, громко рассмеялся:

— Это просто здорово! В таком случае, этого придурка я оставляю тебе со спокойной душой.

Я лишь коротко кивнула, провожая взглядом отцов, которые направились в дом. Как только они скрылись за дверью, я повернулась к парню. Шагнула к нему вплотную, не трудясь выдавить даже дежурную улыбку. Моё лицо скрывал козырек кепки, а волосы были туго стянуты в хвост — рабочий прикид, ничего лишнего.

— Твоё имя? — бросила я ему сухо, проигнорировав всякие приветствия.

Он не спешил отвечать. Вместо этого он лениво облокотился на дверь своей пафосной машины, скрестил руки на груди и окинул меня наглым взглядом.

— Ну, здравствуй, — протянул он с издевкой. — А где привычное «добро пожаловать»? Хлеб-соль, ковровая дорожка? Я как-то на другой приём рассчитывал.

Я смерила его взглядом с ног до головы — побитого, раскрашенного под панду со своими волосами и явно не понимающего, куда он попал.

— Хлеб будешь сам печь, а соль отработаешь в поле, — отчеканила я, сокращая дистанцию. — Повторяю вопрос: как тебя звать, чудо природы?

— М-да, ну и манеры. Грубость просто зашкаливает, — протянул он, кривя губы в издевательской ухмылке. — Хотя чего ещё от беднячки ждать? Жизнь в навозе бесследно не проходит, верно?

Он явно напрашивался, и я не заставила себя ждать. Я шагнула к нему вплотную, сокращая дистанцию до минимума. Мой козырёк с глухим стуком упёрся ему прямо в лоб, заставляя его немного отпрянуть. Я видела каждую царапину на его побитой морде и чувствовала его запах — дорогой парфюм, который здесь, на ферме, казался чужеродным и нелепым.

— Послушай меня внимательно, мажор, — процедила я, глядя ему прямо в глаза из-под козырька. — Хоть одно слово не по делу, хоть ещё один вяк в мою сторону — и я обещаю, твоя рожа станет «краше», чем сейчас. Ты здесь никто, и звать тебя никак.

Я сделала паузу, давая ему прочувствовать момент, и добавила еще жестче: — А теперь живо ответил: как твоё имя? Второго шанса спросить вежливо у меня не будет.

— Денис, — прошипел он мне почти в лицо, и я, наконец, соизволила отстраниться.

Достала блокнот, не спеша вписала имя и снова смерила его холодным взглядом.

— Сколько лет?

— Двадцать, — фыркнул он с таким презрением, будто делал мне великое одолжение. — А тебе?

Я даже не моргнула.

— Вопросы здесь задаю я, понял?

Я захлопнула блокнот и кивнула на его сумки.

— Теперь слушай внимательно: всё своё шмотье берешь в зубы и топаешь вон в тот дом, — я ткнула пальцем в сторону жилого корпуса. — Но перед этим сдаешь мне всё: телефон, наушники, зарядки, любые гаджеты. Здесь цифровая детокс-терапия.

У Дениса аж глаза округлились, а челюсть поползла вниз.

— Чего?! Да хрен я тебе чего отдам! Ты вообще в курсе, сколько это стоит?

— В таком случае, — я развела руками с максимально фальшивым сожалением, — ты исключен из лагеря прямо сейчас. Поздравляю с рекордом.

Я развернулась на каблуках и твердым шагом направилась к дому, куда недавно зашёл его отец.

— Эй! Стой! — донеслось мне в спину. — Что значит «исключен»? Я только приехал! Ты не имеешь права!

Я даже не обернулась, продолжая идти. Пусть прочувствует, что здесь его «хотелки» стоят дешевле, чем ведро навоза.

Он тут же подскочил ко мне и, не придумав ничего умнее, мёртвой хваткой вцепился в мою руку. Реакция сработала быстрее, чем я успела об этом подумать: резкий разворот, и мой кулак с глухим звуком впечатался ему прямоиком под глаз — аккурат в ту зону, где у него уже красовался сочный фингал. Денис охнул и от неожиданности осел прямо на гравий, прижимая ладонь к лицу.

— Прикосновения без разрешения здесь запрещены. Запомни это правило первым, — бросила я ему сверху вниз, даже не сбив дыхания. — Вытряхивай из сумок всю электронику, сдавай в дежурку и вали в корпус. Твоя комната — номер три. Будешь делить её с ещё одним «подарком судьбы». Я мельком глянула на часы, не обращая внимания на его ошарашенный вид.

— В пять ноль-ноль жду на общем собрании. Опоздаешь хоть на минуту — пойдешь драить сортиры зубной щеткой.

Ни сказав больше ни слова, я развернулась и вошла в дом, оставив его переваривать гостеприимство на мокром от росы гравии.

— Ну как дела? — спросил отец, едва я подпёрла плечом косяк его кабинета. На его губах играла понимающая ухмылка.

— Прекрасно, — я не удержалась от сарказма. — У Сергея просто замечательный сын. Мы уже, можно сказать, поладили на языке жестов.

Старший Градов удовлетворённо кивнул и поднялся из-за стола.

— Ну что ж, в таком случае мне пора возвращаться в город. График плотный, впереди важная встреча. И да, Вов, — он обернулся к моему отцу, — я пообщаюсь с нужными людьми по твоему вопросу. Считай, дело на мази.

Они обменялись крепким рукопожатием, скрепляя уговор. Но, проходя мимо меня, Сергей вдруг резко притормозил. Прежде чем я успела среагировать, он бесцеремонно задрал козырёк моей кепки вверх.

— Гетерохромия? — он выгнул бровь, разглядывая мои глаза разного цвета.

Я тут же наотмашь хлопнула его по руке, вырываясь, и резким движением вернула кепку на место, надвигая её почти до носа.

— Касания запрещены, — ледяным тоном повторила я свою коронную фразу, смерив его взглядом, полным раздражения.

— Прости, — он лишь рассмеялся моей дерзости, ничуть не обидевшись.

— Эй! — окликнула я его уже в дверях, когда любопытство всё же пересилило. — У вашего сына это краска или от природы? Здесь парикмахеров нет, подкрашивать корни ему никто не будет.

Градов-старший остановился и обернулся, в его глазах блеснула странная гордость.

— Это природа, красавица. Такая же редкая и строптивая, как и твоя.

Он подмигнул мне на прощание и вышел из дома, оставив меня наедине с мыслями о его «двуликом» сыночке.

— Прекрасно, — я закатила глаза, чувствуя, как внутри закипает усталость вперемешку со злостью. — Только разборок с этим «двуликим» дерьмом мне сейчас для полного счастья не хватало.

Отец выглядел вымотанным, но на его губах блуждала легкая улыбка. Он явно был доволен тем, что сплавил гостя на мои плечи.

— Пап, иди отдыхай, — мягче добавила я, кивнув в сторону лестницы. — Перед дорогой выспись хоть пару часов, а я тут сама со всем закончу.

Отец лишь благодарно кивнул, не став спорить. Он протянул мне тонкую папку — характеристику на Дениса, которую, видимо, подготовил его папаша.

— Держи, Лизи. Тут всё: от его «подвигов» до списка аллергий. Думаю, чтиво будет увлекательным.

Я взяла документ и сразу открыла первую страницу, пробегая глазами по строчкам. Ну что, Денис Градов, давай посмотрим, сколько скелетов ты припрятал в своем брендовом чемодане.

Пять утра. Я стояла перед строем, постукивая по ладони папкой с характеристиками. Все были в сборе, кроме нашего «двуликого» принца. Видимо, парень до сих пор пребывал в иллюзии, что это затянувшийся кошмар, а не его новая реальность.

— Илья, — я вскинула голову, буравя взглядом парня из-под козырька кепки. — Где твой драгоценный сожитель?

Илья, который за неделю здесь уже успел привыкнуть к моему тону, лишь раздраженно сплюнул в сторону.

— А я откуда знаю? Когда я уходил, он дрых без задних ног и храпел, как побитый пёс. Лиза, что за уroda ты ко мне подселила? У него рожа — живого места нет, да ещё и прическа эта ...

Я лишь неопределенно пожала плечами, раскрывая папку и делая вид, что изучаю досье Градова. — Приведи его. Любыми способами.

— Почему сразу я? — Илья предсказуемо пошёл в отказ.

— Хочешь, чтобы это сделала я? — я медленно выгнула бровь, и в моём взгляде Илья прочитал всё, что ждёт Дениса, если я лично пойду его будить.

— Ладно, понял, не дурак, — он быстро вскинул руки, сдаваясь. — Дай мне пять минут, окей?

Я молча кивнула. За ту неделю, что парни провели на ферме, мы со Стасом и Ильей успели неплохо сработаться и найти общий язык — дисциплина творит чудеса. Остальные ребята пока держались особняком, на своей волне, но это было делом времени. А вот Денис ...

Прошло ровно четыре минуты, когда со стороны жилого корпуса послышались матюки и тяжёлые шаги.

Илья не церемонился: он буквально вытащил Дениса за шкирку и с размаху бросил на гравий прямо к моим ногам. Тот скорчился, щурясь от утреннего света, и едва разлепил заплывшие глаза.

— Что за херов урод! — прошипел Денис, мгновенно подпрыгивая с земли.

Он уже занёс кулак, собираясь впечатать Илье в челюсть, но я среагировала быстрее. Схватила его за шиворот дорогой брендовой футболки и рванула на себя так, что ткань отчетливо хрустнула.

— Эй! Ты че творишь?! — взвыл он, оборачиваясь ко мне. — Ты хоть знаешь, сколько эта вещь стоит? Да ты за всю жизнь на такую не зарабатываешь!

Я даже не повела бровью. Продолжила изучать его характеристику в папке, изредка бросая на него будничным, ледяной взгляд.

— Ты проспал, — чеканила я каждое слово, игнорируя его истерику по поводу шмоток. — Вставай в строй. Живо.

Денис замер, тяжело дыша и сжимая кулаки.

— После завтрака тебя ждёт персональное наказание, — добавила я, наконец закрыв папку и посмотрев ему прямо в глаза.

Илья снова дёрнул его за шкирку, впечатывая в строй рядом с собой. Он угрожающе замахнулся, явно обещая добавить «подарок» ко второму глазу, если мажор не угомонится. Денис лишь злобно зыркнул на него, но благоразумно притих.

Я вышла в центр, обведя парней и девушек холодным взглядом.

— Ита-ак, всем доброе утро, — начала я, и мой голос эхом разнёсся в утренней тишине. — Как вы сами видите, в нашем полку прибыло. Знакомьтесь: Градов Денис Сергеевич. Прошу любить и жаловать ... Ну, или, как говорят у нас на ферме, просто постарайтесь его не прибить в первый же день.

По строю прошёл смешок. Стас хмыкнул, оглядывая раскрашенную физиономию новичка, а Илья только крепче сжал кулаки.

— Денис у нас птица важная, залётная, — я обвела строй тяжелым взглядом, — впрочем, ровно такая же, как и вы все здесь собрались.

Парни переглянулись, а Денис лишь выше задрал подбородок, хотя побитая рожа портила весь пафос.

— Ваша задача на сегодня — разжевать ему правила и показать, где у нас что находится. Как и договаривались, за это даю вам вольную до обеда. Отдыхайте. А дальше сами знаете, какой фронт работ вас ждёт, — я сделала паузу, наслаждаясь моментом тишины.

Тут же со стороны девчонок послышался дружный стон. Юля, наша местная «королева соцсетей», сделала шаг вперёд, заламывая руки с почти идеальным маникюром.

— Лиза, ну серьезно! Когда ты отдашь мобильник? Мне маме надо написать, она там с ума сходит!

Я медленно перевела на неё взгляд.

— Что, Юленька, любительница айфонов снова не в сети? Трагедия мирового масштаба, — я саркастично выгнула бровь. — Напоминаю для особо одаренных ещё раз: вся электроника и ваши драгоценные соцсеточки здесь под строжайшим запретом.

Я сделала шаг к ним, чеканя каждое слово: — Вы приехали на мой курорт. И здесь работают только мои правила. Так что свое нытьё засуньте себе поглубже в ваши бархатные задницы и марш за работу.

Денис в этот момент как-то странно хмыкнул, видимо, оценив мой стиль общения.

— Градов, чего лыбишься? — я резко повернулась к нему. — Тебя это касается в первую очередь. Илья, забирай это «чудо» и введи в курс дела. Если через час он не будет знать устав фермы наизусть — пойдете чистить коровник вдвоем.

Денис застыл на месте, словно наткнулся на невидимую стену. Он подался вперёд, бесцеремонно вглядываясь в мое лицо, и прищурился, пытаясь рассмотреть под козырьком то, что заметил его отец.

— Это что ещё за хрень? — выдал он, даже забыв про ноющую челюсть. — Твои глаза ... Нихера себе. Ты че, линзы носишь? Разноцветные?

Не успел он закончить фразу, как Стас, не выдержав такой наглости, отвесил ему увесистый подзатыльник.

— На свои патлы взгляни, чучело! — гаркнул он. — Что делать будешь, когда твоя модная краска отвалится и корни попрут?

Я лишь тяжело вздохнула, чувствуя, как утренний воздух наполняется их дешевой агрессией.

— Это его настоящий цвет, — вклинилась я, обрывая назревающую потасовку холодным тоном. — И мои глаза — тоже.

Я сделала шаг к строю, и парни мгновенно притихли.

— Зарубите себе на носу: оскорбления внешности здесь под запретом. У каждого из вас достаточно изъянов в башке, чтобы не цепляться к тому, что снаружи. Если узнаю, что кто-то из вас решил поупражняться в остроумии над чужим видом — накажу вдвойне. Мало не покажется никому.

Денис потерял затылок, продолжая сверлить меня взглядом, в котором смешивались шок и странное любопытство.

— Живо в столовую, валите на завтрак! — рявкнула я на них, и толпа, нехотя переругиваясь, потянулась к корпусу.

Я дала им пару минут, чтобы рассесться, и вошла следом. Картина, представшая предо мной, была достойна траурной процессии: ребята сидели над полными тарелками с такими лицами, будто им предложили отведать яда. Кто-то брезгливо ковырял ложкой серую массу, кто-то просто сверлил кашу взглядом, полным праведного негодования. В воздухе буквально висло густое, осязаемое недовольство — кислые мины «золотой молодежи» говорили сами за себя.

— Почему не едите? — мой голос прозвучал обманчиво спокойно, разрезая капризный ропот, поднявшийся над столами.

— Мы не собираемся травиться этой жижей! — рявкнула блондинка Юля, брезгливо отодвигая от себя тарелку так, что каша едва не выплеснулась на скатерть.

Я медленно обвела взглядом остальных. По залу прокатилась волна неуверенного согласия. — Значит, все отказывается? — уточнила я, и в моих глазах недобрым блеском отразилось кухонное освещение. — Что ж, хозяин — барин. Как хотите.

Я не стала спорить или уговаривать. Резким, решительным движением начала сгребать тарелки со столов. Одна за другой порции завтрака с глухим стуком отправлялись прямоком в мусорный бак. Глядя на ошарашенные лица ребят, выпрямилась и ледяным тоном объявила: — Свободны. Завтрак окончен.

Развернувшись к замершему персоналу кухни, чеканила каждое слово: — А вы — не кормить их сегодня вообще. Никаких перекусов, никакого полдника. Узнаю, что кто-то проявил жалость и выдал им хоть корку хлеба, — вылетите отсюда к чертовой матери в ту же секунду. С вещами на выход.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и стремительно вышла из столовой, оставив за спиной звенящую тишину, которая через мгновение взорвалась возмущенными криками голодных «бунтарей».

Развернувшись в дверях оглядела взглядом и рявкнула: — А теперь — разбежались по точкам! Стас, веди Градова. Покажи ему, где у нас хранятся лопаты. Пусть привыкает к запаху своего нового «парфюма».

— Эй, ты че, с самого утра?! — Денис аж задохнулся от возмущения, уставившись на меня. — А как же завтрак? Ты сама сказала: наказание после еды!

Я даже не замедлила шаг, лишь обернулась через плечо с максимально невозмутимым видом. — Всё верно, мажор, — буднично отозвалась я, поправляя козырёк кепки. — Твоё наказание за опоздание начнется после завтрака. А то, куда тебя сейчас ведёт Стас — это обыденное дело для всех здесь присутствующих. Утренняя разминка, так сказать. Тем более завтрак у вас уже закончился. За работу.

Я видела, как у него отвисла челюсть.

— Поэтому идёшь и вычищаешь коровник, — отчеканила я, лишая его последних иллюзий. — На пустой желудок навоз пахнет не так резко, так что считай это моей заботой о твоём нежном обонянии.

Стас, не дожидаясь продолжения дискуссии, по-хозяйски подтолкнул Дениса в спину, направляя его в сторону самого пахучего корпуса фермы.

— Шевели поршнями, — хохотнул он.

— А вы чего застыли? Вам что, особое приглашение нужно или передумали отдохнуть? — я обвела взглядом оставшуюся «элиту», которая всё ещё сидела на месте.

— Ты серьёзно выперла нас в пять утра только ради того, чтобы познакомить с этим уродом?! — взорвалась Кристина, поправляя растрепанную прическу.

— Могли бы ещё два часа дрыхнуть, — тут же подхватила Юля со страдальческим лицом, вставая из-за стола. — Лиза, это просто издевательство.

Олег промолчал, но по его виду было ясно, что он солидарен с девчонками.

— Подъём в пять утра! — гаркнула я так, что уходящие в сторону коровника парни синхронно обернулись. — Что из этого правила за неделю вы так и не усвоили, склерозники? Я сделала шаг к ним, и мой голос зазвенел в утреннем тумане: — Ваше исправление длится три месяца. Поэтому зарубите себе на носу раз и навсегда: каждый день в пять утра вы стоите на площадке. В дождь, в грозу, в любую погоду — мне плевать! Дала я вам поблажку по работе или нет, пять утра — это точка отсчёта.

Я смерила их ледяным взглядом, от которого Юля поежилась.

— А теперь валите отсюда с глаз моих. Иначе передумаю и пойдете помогать своему новому приятелю разгребать кучи в первом секторе. Живо!

Их как ветром сдуло из столовой. Кристина с Юлей, что-то возмущенно шепча, припустили к жилому корпусу, а Олег, сплюнув, поплёлся следом.

Я зашла в кабинет, бросила кепку на стол и наконец-то вплотную занялась этой чёртовой папкой. Нужно было изучить каждую строчку в характеристике Дениса, пока он там упражняется с лопатой. Если этот дебил вдруг решит картинно упасть в обморок или, чего доброго, откинет копыта от какой-нибудь аллергии на запах навоза, отец меня точно прикончит. И никакие статусы «любимой и единственной дочери» не спасут — он за этот контракт с Градовым-старшим горой стоит.

Я открыла первую страницу.

— Так, Градов Денис ... — пробормотала я себе под нос, вчитываясь в мелкий почерк. — Хроническая непереносимость дисциплины, аллергия на слово «нет», из вредных привычек — всё, что можно купить за деньги ...

Я искала реальные медицинские противопоказания, но пока видела только бесконечный список «достижений» золотого мальчика: гонки по ночному городу, исключения из элитных вузов и та самая авария.

— Та-ак, а это что? — я прищурилась, заметив пометку внизу страницы, сделанную от руки. — Ну надо же ... Оказывается, наш «двуликий» не такой уж и неуязвимый.

— И так, что тут у нас ... травма? — я скептически выгнула бровь, изучая каракули в деле. — Искренне надеюсь, что травма всё-таки башки, иначе как ещё объяснить ту непроходимую долбанутость, которая передается у всех этих «золотых» деток по наследству?

Я ткнула пальцем в строчку про колено.

— Повреждение мениска? Seriously? — я захлопнула папку с таким звуком, будто прихлопнула назойливую муху. — Титановые болты, связки ... Целый конструктор «Собери мажора сам».

Это было паршиво. С одной стороны, у меня в руках был идеальный рычаг — я знала его слабое место. С другой — если этот «хрустальный» мальчик решит эффектно свалиться посреди поля, виновата буду я.

— Ну что ж, Дениска, — я сощурилась, глядя в окно в сторону коровников. — Посмотрим, насколько твоё колено «нерабочее». Если ты решишь, что это твой золотой билет в мир халявы и сна до обеда, то ты сильно ошибся адресом. У меня на ферме даже хромые утки приносят пользу.

Я подхватила кепку и вышла на улицу. Воздух уже прогрелся, и амбре от коровника становилось всё отчетливее. Нужно было проверить, не начал ли наш титановый терминатор симулировать приступ инвалидности, едва завидев лопату.

Глава 5

Денис

— Да отвали ты от меня, уродец! — прошипел я, с силой отталкивая Стаса, который всё пытался конвоировать меня, как преступника. — Где тут уборная? Вытащили из постели ни свет ни заря, я даже в туалет сходить не успел.

Стас вместо ответа просто заржал, скаля зубы.

— Вон там, — он небрежно ткнул пальцем в сторону какого-то хлипкого деревянного скворечника на отшибе.

Я замер, не веря своим ушам.

— Чего? Это, по-твоему, туалет?! — я выдавил смешок, надеясь, что это шутка. Но Стас лишь кивнул, продолжая ухмыляться.

Я дошёл до этого строения и осторожно толкнул дверь. Сказать, что я был в шоке — это ничего не сказать. Это был чистый, концентрированный ужас. Вонь стояла такая, что глаза моментально заслезились, а к горлу подкатил ком. Да вы что, издеваетесь?! Они серьёзно предлагают мне заходить внутрь этого могильника?

Но деваться было некуда — терпеть до города я бы точно не смог, а присесть на улице под взглядами этих «фермеров» не позволяла остатками гордости. Задержав дыхание так, что лицо, наверное, посинело, я пулей сделал свои дела и выскочил оттуда, жадно хватая ртом свежий воздух.

Но стоило мне дойти до коровника, как я охренел ещё больше. Перед входом возвышался мой «фронт работы» — монументальная гора коровьего дерьма, над которой лениво кружили жирные, довольные мухи. Запах здесь был немногим лучше, чем в том скворечнике.

— Ну что, валяй, приступай к обязанностям, — бросил Стас, кивая на кучу.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив меня один на один с этой вонючей горой и старой лопатой, от одного вида которой у меня заныли руки.

Спустя минут пятнадцать, когда я только-только осознал всю глубину своего падения, к коровнику неспешно «приплыла» наша местная надзирательница. Даже издалека её огненно-рыжие волосы горели на фоне серых сараев, как сигнальный огонь, предупреждающий о грядущей катастрофе.

Я замер с лопатой в руках, чувствуя, как перед глазами до сих пор стоят её странные глаза. Тот пронзительный взгляд, кажется, прошивал меня насквозь даже через козырек её кепки. Надо же, настоящая гетерохромия ... В городе девки линзы покупают, чтобы хоть на грамм так выглядеть, а тут — натуральное чудо природы в резиновых сапогах.

Она подошла ближе, и я невольно выпрямился, стараясь не выглядеть совсем уж жалко на фоне этой кучи навоза.

— Ну что, Градов, — она окинула меня коротким взглядом, в котором не было ни капли сочувствия. — Как тебе первые ароматы свободы? Или ты ждёшь, пока мухи тебя в дом на руках отнесут?

Я лишь зубы сцепил. Колено начало предательски ныть от долгого стояния на неровном гравии, но показывать слабинку этой рыжей фурии я не собирался.

— Изумительно, — выдавил я, стараясь не дышать носом. — Особенно ваш местный «бизнес-центр» с дыркой в полу. Прямо пять звезд.

Она лишь усмехнулась, и я снова поймал себя на том, что разглядываю её глаза: один зелёный, другой — почти янтарный. Чертовщина какая-то.

— Это хорошо, что тебе всё нравится, — протянула она с такой издёвкой, что мне захотелось этой лопатой перекрестить её рыжую макушку. Выполняй работу, Градов, — она произнесла это максимально буднично, кивнув на кучу навоза.

— Даже и не подумаю, — я лениво стал обводить её взглядом с головы до ног. — Тебе надо — ты и ковырайся. Тебе же не привыкать в грязи возиться. А у меня, если ты не заметила, одежда стоит дороже, чем весь этот твой лагерь.

Она лишь молча кивнула, будто соглашаясь с моим «железным» аргументом, и медленно взяла в руки тяжелую лопату. Я даже не успел отпрянуть — одним точным и резким движением она зачерпнула добрую порцию свежего навоза и швырнула её прямо на мою безупречную футболку. Жижа с противным хлюпаньем расплылась по дорогой ткани, пачкая и светлые джинсы.

— Ты что, совсем больная?! — взвизгнул я, отпрыгивая в сторону. Лицо перекосило от брезгливости и шока.

— Ой, посмотри-ка, — она притворно всплеснула руками, оглядывая мою «обновку». — Теперь у тебя наконец-то подходящий вид для нашего заведения. Работай, золотой мальчик, бери лопату и вгрызайся в землю. Иначе, предупреждаю: спать сегодня будешь прямо здесь, в обнимку с этой кучей.

Я буквально сверлил её взглядом, не скрывая кипящего внутри раздражения. Казалось, ещё секунда — и в её лбу прожжётся дыра от моего тяжёлого, колючего прищура. Каждое её движение, эта напускная уверенность и ледяной тон выводили меня из себя, заставляя пальцы судорожно сжиматься в кулаки. Я стоял неподвижно, борясь с желанием высказать всё, что думаю о её методах дрессировки, но продолжал буравить её глазами, в которых метались искры настоящей злости.

Она картинно помахала перед моим носом той самой папкой с моими документами, а другой рукой неспешно вытянула из нагрудного кармана клетчатой рубашки ручку. Вид у неё был как у следователя, который пришёл колоть особо опасного преступника.

— Я тут узнала одну занятную вещицу про тебя, Градов, — она сделала паузу, буравя меня своими невозможными глазами. — Пока ты тут изображаешь стахановца, я задам тебе пару вопросов. И только попробуй мне соврать. Сразу предупреждаю — приструню так, что мало не покажется.

Я лишь молча кивнул, не желая вступать в бесполезную полемику, и с удвоенной силой принялся швырять это вонючее дерьмо. Мышцы ныли, колено начало подозрительно пульсировать, но я старался держать ритм, лишь бы она не видела, как меня перекосило.

— Спрашивай, чего уж там, — буркнул я, стараясь не смотреть в её сторону. — У вас тут, я так понял, без допроса даже завтрак не выдают?

Лиза сделала пометку в блокноте и шагнула чуть ближе, так что запах её какого-то травяного шампуня и сладкий аромат на мгновение перебил вонь навоза.

— Рассказывай про колено, Денис, — её голос стал тише, но жестче. — Сколько там титана? И на каком проценте нагрузки ты начнешь тут картинно валиться на землю, умоляя отправить тебя домой к мамочке?

Я замер, сжимая черенок лопаты так, что костяшки побелели. Старик всё-таки слил всё подчистую.

— Не переживай, не завалюсь я от твоих нагрузок, — тут же соврал я, стараясь стоять как можно ровнее, хотя в колене будто раскаленную иглу провернули.

Лиза нахмурилась. Её разноцветные глаза сузились, сканируя меня с ног до головы, как рентген. Она явно почуяла фальшь в моём голосе.

— Снимай штаны, — бросила она так буднично, будто просила передать соль за обедом.

Я замер с лопатой в руках, на мгновение забыв, как дышать. Мои брови взлетели вверх, а на губах сама собой нарисовалась язвительная ухмылка.

— Чего?! — выдал я, оглядывая вонючий загон. — Хочешь пошалить прямо здесь, в дерьме? Может, всё-таки лучше к тебе в апартаменты? Я, конечно, парень без комплексов, но антураж так себе.

Лиза даже не улыбнулась. Она лишь закатила глаза с таким видом, будто общалась с полным идиотом, и сделала шаг ко мне, сокращая дистанцию.

— Ногу показывай свою, живо! — прикрикнула она, ткнув ручкой в сторону моего правого колена. — Я должна видеть, насколько там всё серьезно, прежде чем ты здесь копытца отбросишь и подставишь моего отца. Штанину задирай, юморист хренов.

Я понял, что шутки кончились. Сдавшись под её пронзительным взглядом, я воткнул лопату в кучу навоза и нехотя начал подтягивать штанину своих дорогуших джоггеров, обнажая загорелую кожу и длинный, уродливый шрам, пересекающий коленный сустав.

Она присела передо мной на корточки, сбросив кепку на колено, и низко наклонилась, внимательно изучая мой уродливый шрам. Честно сказать, вид сверху открывался такой, что я на мгновение вообще забыл про вонь навоза и ноющую ногу. В горле пересохло, а внизу живота предательски потянуло — эта рыжая bestия в таком положении выглядела слишком притягательно.

Но романтика испарилась в секунду, когда она без лишних нежностей ткнула ручкой прямо в центр шрама. Я невольно дернулся, шипя от резкой боли.

— Эй! Ты че творишь, садистка?! — выдавил я, пытаюсь вернуть самообладание.

— М-да, беда на мою голову ... — пробормотала она, игнорируя мой выпад. — И что мне теперь с тобой делать, а?

Она задрала голову, сверкнув своими нереальными глазами прямо снизу вверх. Чёрт, это положение меня заводило всё сильнее, я едва сдерживался, чтобы не ляпнуть какую-нибудь пошлость. Я лишь неопределенно пожал плечами, стараясь скрыть своё состояние.

— Ну ты и развалина, Градов, — она покачала головой с явным разочарованием и поднялась, встав вплотную ко мне.

Её макушка едва доходила мне до плеча, так что ей приходилось задирать подбородок, чтобы смотреть мне в лицо. Мы стояли так близко, что я чувствовал исходящее от неё тепло.

— Всё, завязывай с дерьмом. Вали в душ, пока мухи тебя окончательно не усыновили. Придумаю тебе другое наказание, раз ты у нас «хрустальный».

Она уже вышла из хлева, но в дверях обернулась, и на её губах промелькнула едва заметная, ехидная усмешка. — И да, Терминатор ... Нормальные туалеты есть в вашем корпусе. А тот скворечник, где ты отметился, давно стоит под снос.

Она исчезла в ярком свете утра, оставив меня стоять посреди коровника с идиотским видом и лопатой в руках.

— Вот же Стас, урод! — прорычал я сквозь зубы, швыряя лопату прямо в навозную жижу. — Лично расквашу его светлую голову об этот вонючий скворечник. Ржал он, гад, пока я там легкие выплёвывал.

Злость немного притупила тянущую боль в колене, но сейчас меня волновало только одно — смыть с себя этот «аромат фермерской жизни». После слов рыжей о нормальном туалете я почувствовал себя последним лохом, которого развели как первоклассника.

— Надеюсь, душ у них хотя бы человеческий, а не бочка с ледяной водой на улице, — бормотал я, прихрамывая в сторону жилого корпуса. — Если там окажется такая же дыра, я точно свалю отсюда, пусть хоть все счета заблокирует.

Я завалился в здание, игнорируя любопытные взгляды парней в коридоре. Нашёл дверь с заветной табличкой и замер. Мои ожидания были на уровне канализации, так что вид чистой плитки и — о боги! — работающих кранов с горячей водой показался мне райским наслаждением.

Я скинул с себя это провонявшее шмотье и встал под тугие струи воды. Горячий поток смывал грязь, кровь с разбитой брови и, казалось, даже часть того унижения, которое я испытал за утро.

Выйдя из душа, я почувствовал себя почти человеком, пока не вспомнил, что в пять утра завтра всё начнется по новой.

И тут зашла рыжая. — Быстро пошли на завтрак. А то ни хрена не выполните. Даю последний раз попытку на еду.

Когда я зашёл в столовую, то невольно притормозил. В первый раз тут было всё отвратно, а сейчас ...

В этот момент Илья, проходя мимо, по-свойски хлопнул меня по большой спине:

— Привыкай. Здесь, признаться, даже кормят по-человечески, правда издевается иногда, — он кивнул в сторону раздачи и завалился за ближайший стол.

На столах уже красовались тарелки с кашей, стаканы с компотом и — о боги! — пышные сладкие булочки, от запаха которых у меня в животе заурчало так, что стало неловко.

— Блин, булочка! — мимо меня метеором пронеслась блондинка (кажется, та самая Юля, помешанная на соцсетях).

Она приземлилась на стул и с такой жадностью набросилась на кашу, будто не ела неделю.

— Фу-у-у, опять манка ... — простонала идущая следом Кристина, кривя губками с остатками дорогой помады.

За ней, как приклеенный, плёлся громила Олег. С его габаритами он реально выглядел как личный телохранитель, охраняющий её от тарелки с кашей.

Я взял свой поднос и огляделся. Есть хотелось зверски, но колено пульсировало, напоминая о «тёплом» приёме утренней надзирательницы. Я присел на край скамьи, подальше от этой шумной компании, и вгрызся в булку.

— Ну и где наша рыжая хозяйка? — подумал я, высматривая в толпе Лизу. — Небось, уже придумывает, в какую ещё задницу меня засунуть после завтрака.

И тут появилась она. Лиза буквально вплыла в столовую, и я чуть не подавился своей булкой. Волосы теперь были собраны в тугую, дерзкий пучок, открывая шею и уши, усыпанные кучей серёжек. На ней были джинсы в облик и короткий топ — фигура просто отпадная, чего уж там. Но я-то знал: характер у этой куколочки такое же дерьмо, как и то, что я разгребал в коровнике.

Когда она проходила мимо, я заметил за её ухом татуировку — россыпь мелких звёзд. А вот это уже интересно. Девушка-загадка, не иначе. Она вдруг улыбнулась какому-то парню (счастливчик, блин) и преспокойно уселась рядом с ним за обычный стол. Серьезно? Она реально ест эту манку вместе со всеми?

— Эй, не пялься так, — вклинился в мои мысли Стас, бесцеремонно приземляясь рядом. — А то она заметит и вырвет тебе твои цветные пакли вместе с корнями.

Я медленно повернул к нему голову, прожевывая кусок теста.

— А ну закрой пасть, — прошипел я, едва не брызгая крошками. — Я тебе ещё за тот «туалет» отплачу, помяни моё слово.

Стас лишь заржал, ни капли не испугавшись.

— Ладно, ладно, извини! Кто ж знал, что ты реально туда погрёшься, не спросив дорогу?

— Что за устав у вас тут? — буркнул я, косясь на рыжую. — «Не трогай», «не смотри» ... Она что, пуп земли? Королева навоза?

Стас перестал смеяться и покачал головой, его лицо стало серьёзным.

— Конечно, нет. Но она суровая, Дэн. По-настоящему. Я тут всего неделю, а нахлебался дисциплины столько, сколько за год в армии не выдают. Даже не представляю, что со мной будет через три месяца.

Я снова перевёл взгляд на Лизу. Она о чём-то весело болтала, и в этот момент казалась обычной девчонкой. Но я кожей чувствовал — это затишье перед бурей.

Дожевав свою кашу, я поднялся и, стараясь не слишком хромать, направился напрямик к ней. Надоело играть в прятки. Она всё ещё о чём-то увлеченно трепалась с этим парнем.

Типичный ботан в очках, но, надо признать, плечи у него были пошире моих — выглядел он куда внушительнее, чем казался на первый взгляд.

— Эй, поговорить хотел, — я бесцеремонно прервал их идиллию, ткнув её пальцем в голое плечо.

Лиза замолчала на полуслове. Она медленно перевела взгляд на своё плечо, потом на мой палец, и в её глазах промелькнул такой холод, что я невольно отдернул руку.

— Ладно, извини, — буркнул я, вскидывая ладони в защитном жесте. — Помню, «не касаться», устав и всё такое.

Она глубоко вздохнула, явно сдерживаясь, чтобы не прописать мне прямо здесь.

— Ладно, Стёп, подожди позже, хорошо? — мягко сказала она парню. Тот послушно кивнул, бросил на меня подозрительный взгляд.

Лиза подхватила свой поднос и направилась к окошку мойки.

— Спасибо огромное за завтрак! — пропела она персоналу так искренне, что я аж опешил.

— Ох, не за что, Лизи, детка! Заходи ещё, — расплылись в ответных улыбках поварихи.

Боже, какая приторная сцена. Со всеми она — «детка», а со мной — цербер в юбке. Поставив посуду, она резко обернулась ко мне. На лице больше не было ни следа той дружеской улыбки.

— Пошли, — прошипела она сквозь зубы и, не дожидаясь ответа, стремительно зашагала к выходу из столовой.

Я едва поспевал за ней, чувствуя, как колено при каждом шаге напоминает о своём существовании.

— Куда мы? — бросил я ей в спину, пока мы выходили на свежий воздух. — Опять в какой-нибудь сарай коровам хвосты крутить?

— Мои коровы как-нибудь обойдутся без твоих пафосных выкрутасов, — буркнула она, поправляя соскользнувшую лямку топа привычным, почти механическим жестом.

Мы вошли в кабинет, и я невольно присвиснул, застыв на пороге.

— Ничего себе у вас тут антураж! — вырвалось у меня.

Я ожидал увидеть склад лопат или складской учёт сена, но кабинет подозрительно напоминал логово моего отца. Массивное дерево, тяжёлые шторы, кожа. Только здесь атмосферу разбавляли чучела птиц и каких-то мелких зверьков на полках, а в воздухе стоял густой аромат хвои. Но был и другой запах — тонкий, едва уловимый и чертовски сладкий. Он шёл прямо от Лизы, перебивая всё вокруг.

Она по-хозяйски опустилась в глубокое кожаное кресло и коротким кивком указала на место напротив. Я со стоном облегчения буквально рухнул на мягкую обивку. Стоило мне вытянуть ногу, как в тишине кабинета раздался отчетливый, сухой хруст моего колена.

Лиза замерла, вперив в меня взгляд своих разноцветных глаз. Пауза затянулась.

— Бывает, — я лишь безразлично пожал плечами, стараясь скрыть вспышку боли за наглой ухмылкой. — Старая модель, шарниры скрипят.

Я откинулся на спинку, чувствуя себя чуть увереннее в этой «цивильной» обстановке.

— Говори, чего хотел? — она сложила руки в замок перед собой, и её взгляд стал ещё более испытывающим.

Я откинулся на спинку кресла, стараясь выглядеть максимально расслабленно, будто не в вонючем коровнике утро провёл, а в лобби пятизвёздочного отеля.

— Я хотел подписать мирный договор. Уговор о примирении, — выдал я буднично, глядя ей прямо в глаза.

Лиза на секунду замерла, а потом кабинет заполнил её звонкий, залиvistый смех. Чёрт, у неё ещё и смех красивый, под стать глазам. Да что уж там скрывать — она вся была чертовски хороша, как бы я ни пытался задавить в себе эту мысль и злиться на её диктаторские замашки.

— Мирный договор? — переспросила она, вытирая выступившую от смеха слезинку. — Градов, ты серьёзно? Ты тут и дня не провёл, успел получить в глаз, изгваздаться в навозе и чуть не лишиться колена, а теперь предлагаешь мне перемирие?

— А почему нет? — я чуть подался вперёд, игнорируя протестующий хруст в суставе. — Тебе меньше мороки, мне — меньше шансов стать инвалидом окончательно. Ты же умная девка, Лиза. Сама понимаешь, что воевать со мной — занятие энергозатратное.

Лиза резко перестала смеяться, и выражение её лица изменилось в долю секунды — на смену весёлости пришла ледяная деловая хватка. Она подалась вперёд, оперевшись локтями о массивную столешницу, и полоснула по мне своим двухцветным взглядом.

— Я уже подписала уговор с твоим отцом, Градов, — отчеканила она, и её голос прозвучал как захлопнувшийся замок наручников. — А от тебя мне никакие уговоры не нужны. У нас здесь не демократия и не клуб по интересам.

Я открыл было рот, чтобы вставить остроумие, но она перебила меня одним жестом руки.

— Правила просты до тошноты: ты беспрекословно выполняешь всё, что я требую. Вкальываешь, не вякаешь и не строишь из себя героя-любownika. И если через три месяца ты выйдешь отсюда живым, здоровым и хотя бы отдалённо напоминающим «хорошего мальчика», то свалишь в свой город к своим тачкам. Вот и весь наш с тобой «мирный договор».

Она откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди, и замолчала, явно давая мне время переварить услышанное. Я чувствовал, как под её взглядом моё хвалёное самолюбие медленно превращается в пыль. Эта девчонка явно не собиралась идти на компромиссы.

— Ты жестокая, — прошипел я, подаваясь вперёд. — Ладно, давай по-взрослому. Я оплачу тебе любые курсы, шмотки, да что угодно, что тебе тут в лесу не хватает. А ты просто пишешь отчёт, какой я пайныка, и отпускаешь меня через месяц. По рукам?

Лиза не пошевелилась. Она просто впилась в меня своим сухим, колючим взглядом, от которого захотелось поежиться. В кабинете стало так тихо, что было слышно, как тикают часы на стене.

— Серьёзно? — выдохнула она с такой порцией презрения, что я почувствовал себя грязью под её ногтями. — Деньги предлагаешь? Боже, вы реально все из одного инкубатора вышли. Одинаковые до тошноты.

Она резко встала, оперлась руками о стол и нависла надо мной, заставляя вжаться в кресло.

— Что ты вообще из себя представляешь, Денис? Что ты *своего* имеешь, кроме наглой морды? Можешь только раскидываться бабками своего отца? — она горько усмехнулась. — Так вот, новости для мажоров: твой отец мне уже заплатил. Заплатил за то, чтобы я выбивала из тебя всю эту спесь и дурь. И поверь, такой суммы, которая перебьёт его предложение, у тебя за душой явно нет. Она выпрямилась: — Твои дешёвые фокусы здесь не работают. Так что засунь свой кошелек подальше и приготовься. Раз ты у нас «хромой интеллекттуал», сейчас пойдешь в архив. Будешь пересчитывать поголовье и корма по старым амбарным книгам. Света там мало, пыли много, зато колено отдыхает.

Она кивнула на дверь, явно давая понять, что аудиенция закончена.

Я вскочил, желая выдать какую-нибудь эффектную гадость напоследок, но реальность жестко приземлила меня. Колено прострелило такой резкой болью, что нога просто сложилась, как карточный домик. Я с глухим стуком рухнул на ковёр прямо перед её столом.

— Вот же идиот ... — прошипел я сквозь зубы, баюкая ушибленный сустав и чувствуя, как лицо заливают краска стыда. Уйти красиво не получилось — получился позорный заплыв на полу.

Лиза даже не шелохнулась. Она продолжала стоять на своём месте, сверху вниз наблюдая за моими жалкими попытками вернуть себе человеческий облик. В её взгляде не было ни капли сочувствия — только холодная констатация факта: я слабак.

— Сиди здесь, — она закатила глаза с таким выражением, будто перед ней был не парень, а нагадивший щенок. — Посмеешь уйти до моего возвращения — лично проконтролирую, чтобы ты отправился вычищать навоз по второму кругу. И на этот раз без перерывов.

Она развернулась и, чеканя шаг своими тяжелыми ботинками, вышла из кабинета, с грохотом захлопнув дверь. Я остался сидеть на полу в тишине, вдыхая аромат её духов и хвои, и проклиная тот день, когда сел за руль той злополучной машины.

Она ввалилась обратно через десять минут, а за ней тенью следовал тот самый очкарик-ботан из столовой. Лиза даже не взглянула в мою сторону, будто я — предмет мебели, неудачно упавший на ковер.

— Вот, — она кивнула на меня, обращаясь к парню. — Почини его до обеда. Он мне нужен здоровый, а не в виде набора запчастей.

Этот Стёпа (или как там его) расплылся в такой приторной улыбке, что у меня скулы свело. Смотрел на неё, как преданный пёс на хозяйку, явно ожидая ответного тепла. Но Лиза осталась кремнем. Ни один мускул на её лице не дрогнул, ни тени улыбки в ответ. Она просто проигнорировала его обожание, как назойливый шум.

«Чёрт, неужели она со всеми такая суровая?» — промелькнуло у меня в голове, пока я кряхтя перебирался с пола обратно в кресло. Это немного льстило моему эго: значит, я не единственный, об кого она вытирает ноги. С другой стороны — если она даже на «своих» не реагирует, то мои шансы найти к ней подход стремились к абсолютному нулю.

— Давай, Терминатор, показывай ногу, — буркнул ботан, присаживаясь рядом со мной на корточках и открывая какую-то медицинскую сумку.

Лиза не стала церемониться — она просто перетащила соседнее кресло вплотную к нам, уселась, упёрлась локтями в колени и превратилась в максимально внимательного зрителя. Взгляд её двухцветных глаз впился в мою ногу, как скальпель.

— Сними ты уже эти штаны! — прохрипел этот недолекарь Стёпа. Видно было, что его моё присутствие бесит не меньше, чем меня его очки. — Как я, по-твоему, колено осмотрю через джинсу?

Я покосился на Лизу. Она сидела так близко, что я чувствовал тепло её тела.

— Я не буду при ней раздеваться, — буркнул я, пытаюсь включить остатки достоинства. — Ещё чего вздумали. Точнее, я-то могу, — я нагло усмехнулся, поймав её взгляд, — но тогда ты, очкастый, вали отсюда. Наблюдатели мне не нужны, я люблю один на один.

Договорить я не успел. Лиза прописала мне такой подзатыльник, что в ушах зазвенело, а зубы клацнули друг о друга.

— Заканчивай паясничать, Градов! — прикрикнула она, даже не сменив позы. — Снимай уже, время идёт.

Я только зубами скрипнул. Ладно, сама напросилась. Пожав плечами с максимально пофигистичным видом, я расстегнул ремень и стащил джинсы, оставшись в одних чёрных боксерах. Честно? Я ждал хоть какой-то реакции — смущения, смешка, ну хоть зрачки бы у неё расширились. Но Лиза даже бровью не повела. Она смотрела на мои полуголые ноги с таким же профессиональным безразличием, с каким, наверное, утром осматривала вымя у коровы.

— Ну? — она кивнула Стёпе. — Чего замер? Работай.

Ботан засуетился, доставая какой-то гель и портативный сканер, а я сидел почти голый в кабинете у этой рыжей ведьмы и понимал: мои привычные методы соблазнения здесь разбиваются о бетонную стену её дисциплины.

Стёпа, этот гад, явно решил отыграться за мой длинный язык. Он с такой силой вдавил пальцы в сустав, что я не выдержал и рывкнул на весь кабинет:

— Ты чё, долбанутый?! Больно же!

— Ой, извини, соскользнуло ... — пролепетал он, но я-то видел, как у него предательски дрогнул уголок губ в победной ухмылке.

В этот момент Лиза, которую мой вопль явно вывел из себя, резко перегнулась через стол. И вот тут я реально забыл, как дышать. Прямо перед моими глазами оказалась её обтянутая джинсами, упругая задница. Я замер, вцепившись пальцами в подлокотники кресла. Только этого мне сейчас не хватало — опозориться со стояком прямо в лицо этому очкастому придурку, сидя в одних боксерах.

Она сгрэбла мою папку со стола и принялась жадно перелистывать страницы, едва не разрывая бумагу.

— До аварии не болело? — бросила она, даже не глядя на меня, всё ещё в этой «интересной» позе.

— Нет, — выдавил я, стараясь смотреть куда угодно, только не на её изгибы. — Повредил ещё раз уже во время удара.

— Чёртов ты терминатор ... — прошипела она, наконец выпрямляясь и захлопывая папку. — На кой хрен ты мне здесь тогда такой нужен? Обуза на мою голову!

Потом она резко перевела свой яростный, двухцветный взгляд на притихшего Стёпу. Тот аж сжался.

— А ты? — она нависла над ним, как грозовая туча. — Вздумаешь ещё раз так сделать, — она ткнула пальцем в сторону моего колена, — полетишь отсюда нахрен в ту же секунду. Усёк?

— Я ... я не специально, Лиза, честно! — Степа выпучил глаза, оправдываясь как первоклассник.

— За дуру меня держишь? — она буквально пригвоздила его к месту своим тоном. — Я сказала «нет» — значит «нет», ясно?! Заканчивай цирк, делай свою работу нормально!

Смотреть на этого Стёпу было одновременно жалко и смешно. Он втирал гель в моё колено так старательно, будто от этого зависела его жизнь, но руки у него ходили ходуном. Красный, потный, затравленный... Типичный влюбленный придурок, который готов расшибиться в лепешку ради одного взгляда своей королевы. А «королева» стояла у окна, демонстративно игнорируя его присутствие. Я перевел взгляд на её спину, на этот пучок волос и россыпь звезд за ухом. До меня наконец дошло: этот Стёпа явно к ней клеится, причем давно и безнадежно. И судя по тому, как жёстко она его сейчас приложила при мне — мажоре в трусах, — она отшивает всех без разбора. Никаких поблажек «своим», никакой романтики в рабочее время.

— Закончил? — бросила она через плечо, даже не оборачиваясь.

— Да, Лизи ... — пролепетал ботан, спешно убирая тюбики в сумку. — Ему нельзя давать осевую нагрузку ещё пару дней, иначе сустав воспалится.

— Свободен, — отрезала она.

Стёпа бросил на меня испепеляющий взгляд, полный ревности, подхватил шмотки и пулей вылетел из кабинета. Я остался сидеть в кресле, чувствуя приятный холод от геля и не менее приятное осознание того, что этот «внушительный» очкарик получил от ворот поворот.

— Ну что, Терминатор, — Лиза медленно повернулась ко мне, скрестив руки на груди. — Налюбовался? Раз бегать ты не можешь, будешь сидеть здесь. Вон там, — она кивнула на стопку папок в углу, — архивы за прошлый год. Нужно сверить отчёты по закупкам кормов с накладными. Работа пыльная, нудная и сидячая. Как раз для твоего интеллектуального уровня, надеюсь?

Она подошла к шкафу, выудила оттуда эластичный бинт и, к моему полному ауту, снова опустилась передо мной на колени. На этот раз никаких шлепков и криков — она начала аккуратно, виток за витком, бинтовать моё колено.

— Эти ваши тупые болячки меня уже достали, — шипела она себе под нос, сосредоточенно следя за натяжением ленты. — Хоть раз прислали бы нормального человека ... Нет, все какие-то убогие: то на голову, то ещё на что-то.

Её пальцы касались моей кожи на удивление бережно, почти нежно, что чертовски контрастировало с её ядовитыми словами. Признаться честно, мне это даже льстило. Сидеть вот так, пока эта строптивая рыжая бестия возится с твоей ногой — в этом было что-то ... интимное, что ли.

— Натягивай уже свои штаны, — скомандовала она, закончив и резко поднявшись на ноги. — И нет, отставить. Сначала иди переоденься. Надень нормальные шмотки: что-то, что не сковывает движения и не обтягивает. Тебе тут не клуб и не подиум, Градов.

Я лишь молча кивнул, всё ещё находясь под впечатлением от её внезапной заботы.

— Спасибо, — выдавил я, на что она лишь равнодушно пожала плечами и моментально уткнулась в свои бумаги, будто меня уже и не было в кабинете.— Через десять минут жду здесь, — бросила она напоследок, не поднимая головы.

Я поднялся с кресла и натянув штаны похромал к выходу. В голове крутился один вопрос: какая Лиза настоящая? Та, что бьет под дых и швыряет в навоз, или та, что перебинтовывает раны с такой осторожностью?

Глава 6

Лиза

Ровно через десять минут он возник на пороге — на удивление пунктуально для такого раздолбая. Стоял, переминаясь с ноги на ногу в своих новых шмотках, и вид у него был уже не такой борзый, как утром.

— Так, и что мне теперь делать? — спросил он, оглядывая мой кабинет так, будто искал потайной выход.

Я молча указала ему на свободный стол в углу, заваленный какими-то старыми справочниками.

— Садись сюда, — отчеканила я.

Я подошла к стеллажу и с трудом вытащила огромную, осевшую от пыли стопку папок с годовыми отчётами. С грохотом обрушила это «сокровище» прямо перед его носом, так что в воздухе взметнулось облако пыли. Пока он откашливался, я методично объяснила задачу: сверять каждую цифру в накладных с итоговыми ведомостями. Работа нудная, сухая, требующая адского терпения — как раз то, что нужно, чтобы приструнить его эго и дать покой колену. Градов лишь обреченно качал своей двухцветной головой, глядя на этот бумажный завал. Казалось, он сейчас либо взвоет, либо снова попытается меня подкупить. Но, к моему удивлению, он лишь тяжело вздохнул, вытянул ногу под столом и, открыв первую папку, принялся за дело. Я вернулась на своё место, делая вид, что погружена в работу, но краем глаза наблюдала за ним. Наблюдать за тем, как мажор, привыкший только подписывать чеки в ресторанах, пытается разобраться в закупках комбикорма, было моим маленьким удовольствием на это утро.

Спустя полчаса этот «трудяга» уже начал подавать первые признаки жизни — точнее, признаки скорого конца. Он громко застонал, потягиваясь на стуле так, что тот жалобно скрипнул под его весом.

— А когда обед? — выдал он, уставившись в потолок. — И вообще, здесь спать официально разрешено? Или вы тут все на батарейках работаете?

Я даже не подняла головы от документов, лишь картинно закатила глаза.

— Обед будет по расписанию, в обед, — отрезала я, продолжая строчить в журнале.

Повисла короткая пауза, прерываемая только его тяжёлым сопением. Я выдержала мхатовскую тишину, а потом методично постучала ручкой по краю стола, привлекая его внимание.

— Насчет сна ... Да, Денис, спать разрешено. Ровно один час после обеда. У нас тут, знаешь ли, гуманное заведение.

— Час?! — подскочил он на месте, отчего папка чуть не съехала со стола. — И это всё? Ты серьезно?!

Я лишь безразлично пожала плечами, глядя на его возмущенную мордашку.

— Час — это гораздо больше, чем «ничего», Градов. Признай это и возвращайся к своим накладным. Если к обеду не закончишь третью папку — лишишься и этого часа «сиесты».

Он снова со стоном уткнулся в бумаги, а я едва сдержала усмешку. Видеть, как он торгуется за лишние минуты сна, было забавнее, чем любой сериал. Не успела я войти в рабочий ритм, как дверь в кабинет распахнулась с таким грохотом, будто её вынесли тараном. Влетел Илья — раскрасневшийся, запыхавшийся, он едва не снес угол моего стола.

— Лизи! Там Кристине плохо! — выпалил он, вцепившись в край столешницы.

— Да что опять?! — я вспыхнула так резко, что Денис на своем месте буквально втянул голову в плечи и спрятался за стопкой папок, как за крепостной стеной.

— Не знаю, — Илья мотал качающейся головой. — Лежит пластом, стонет, за живот хватается.

Я подскочила со стула в бешенстве. Эти их вечные симуляции и попытки соскочить с работы за неделю доконали меня больше, чем всё поголовье скота. Я уже знала этот сценарий: сейчас начнутся требования вызвать вертолет или хотя бы доставить устриц для поправки здоровья.

— Сиди здесь и делай свою работу! — бросила я Денису, даже не оглядываясь, и быстрым шагом направилась вслед за Ильей.

Но этот болван Градов, видимо, решил, что «сиди здесь» — это просто рекомендация. Стоило мне дойти до комнаты девочек, как я почувствовала за спиной его неровные шаги. Обернулась и увидела, как он, прихрамывая, плетётся следом и с любопытством выглядывает из-за дверного косяка, пытаюсь рассмотреть, что происходит в комнате Кристины.

— Я кому сказала — на месте быть?! — прошипела я, но он лишь отмахнулся, заворованно глядя на разыгравшуюся драму.

Кристина и правда выглядела паршиво: свернулась калачиком на кровати, лицо бледное, по лбу градом катится пот. Юля бегала вокруг с пустым стаканом, создавая лишнюю панику.

— Так, всем разойтись! — скомандовала я, отодвигая Илью в сторону. — Кристина, где именно болит?

— Живот... — простонала Кристина, сгибаясь пополам.

Я почувствовала, как затылком ощущаю любопытные взгляды парней, торчащих в дверях.

— Пошли вон! — рывкнула я так, что Илья со Стасом отпрянули, а Денис едва не споткнулся о косяк. Я с грохотом захлопнула дверь прямо перед их носами.

— Снимай кофту, — скомандовала я, оборачиваясь к кровати.

— Чего?! — проскрипела эта принцесса, округлив глаза. — Ты чё, извращенка?

— Снимай живо, — отрезала я, нависая над ней, — иначе прямо сейчас поскачешь в коровник отрабатывать актёрское мастерство.

Кристина, ворча и кривясь, стащила с себя обтягивающую кофту, судорожно прикрывая грудь руками.

— Ложись на спину, — я не собиралась церемониться.

Я начала осторожно, но твёрдо прощупывать её живот. Мышцы были твердыми, словно камень — явный признак того, что организму хреново. И тут её резко вывернуло. Прямо рядом со мной на полу образовалась внушительная лужа из недоеденного завтрака.

Я уже хотела выругаться на тему «кто это будет убирать», но внезапно обомлела. В этой массе плавали несколько небольших, не успевших раствориться таблеток.

— Это ещё чё за хрень?! — взревела я, вскакивая на ноги. — Ты совсем долбанутая? Если решила тут сдохнуть от передоза, то выбрала не то место, поняла?!

Я наклонилась к самому её лицу, и Кристина буквально вжалась в подушку.

— Это ... это просто обезбол ... — пропищала она, дрожа всем телом.

— Обезбол, значит? — я уже не слушала.

Я кинулась к её тумбочке и начала бесцеремонно вышвыривать оттуда всё: косметику, заколки, какие-то чеки. На самом дне рука наткнулась на безымянный бутылёк. Схватив его, я пулей выскочила из комнаты, распахнув дверь так резко, что парни, подслушивавшие под дверь, едва успели отскочить. Я пронеслась мимо них, оставив Кристину в полуголом виде под их ошарашенными взглядами. Она что-то возмущенно пропищала им, требуя убраться, но Илья с Денисом только и успели, что оценить масштаб катастрофы, прежде чем я скрылась за поворотом коридора.

— Градов! — крикнула я, не оборачиваясь. — Живо в кабинет! Если я не увижу тебя там через тридцать секунд — пеняй на себя!

Я буквально влетела в кабинет к Стёпе, пылая от бешенства. Бутылёк с таблетками с грохотом приземлился на его стол.

— Живо выясни, что это за дрянь! — прорычала я, едва сдерживаясь, чтобы не разнести тут всё к чертям. — И иди промой желудок этой идиоке, пока она кони не двинула. Жду отчёт через полчаса!

Стёпа вскочил, засуетился, но вместо того чтобы бежать к Кристине, он вдруг подался ко мне и схватил за руку.

— Лизи ... Прости, ладно? Я правда не специально тогда с этим мажором ... ну, придавил колено ...

Я замерла. Взгляд медленно опустился на его пальцы, сжимающие моё запястье. Внутри всё сжалось от мерзкого, липкого чувства из прошлого. Табу. Моя личная зона отчуждения, которую я выстраивала годами, чтобы больше никто и никогда ...

— Никаких! Касаний! Ясно?! — выкрикнула я, и Стёпа отпрянул так, будто его ударило током.

Мои тайны — это только мои тайны, и пошли они все к чёрту со своей «заботой»!

— Уясни раз и навсегда, Стёпа: мы просто друзья. Понял? Никаких касаний, никаких свиданий и никаких сопливых поцелуев под звёздами! Ясно?! — рявкнула я так, что у него задрожали очки. Он лишь грустно, по-собачьи кивнул, а я вылетела из кабинета, едва не сбив с ног Дениса, который, конечно же, торчал под дверью.

— Ты чё, тупой?! — гаркнула я на него, выплескивая остатки ярости. — Где ты сейчас должен быть?

— Я просто ... может, помочь чем? — пробормотал он, явно ошарашенный моей вспышкой.

— Да! Живо в кабинет, бумажки разгребать! — я ткнула пальцем в сторону коридора. — Либо прямо сейчас идёшь дочищать коровник до блеска. Выбирай! Ну что за идиоты ... Один лезет с нежностями, другая гравится колесами, третий путается под ногами.

Я нервно выстукивала ручкой по столешнице, и этот дробный звук в тишине кабинета бесил меня саму. Это было первое лето, когда стадо «золотых» придурков решило доконать меня в рекордные сроки — всего за две недели. Я видела много мажоров, видела истерики, побег и симуляции, но такая концентрация клинических идиотов на квадратный метр — это редкость даже для нашей фермы.

Денис сидел за своим столом подозрительно тихо. Ни шороха бумаги, ни скрипа стула. Он замер, только изредка бросая на меня короткие, колючие взгляды. Я кожей чувствовала, как у него в голове крутятся вопросы, как он пытается переварить мою вспышку в коридоре и те слова, что я выкрикнула Стёпе.

— Ну что?! — наконец взревела я, не выдержав этого напряжения. Ручка с треском отлетела в сторону. — Спрашивай уже, Градов! У тебя же на лбу написано, что ты так и жаждешь влезть не в своё дело. Давай, вываливай?

Он медленно отложил папку и посмотрел на меня в упор своими голубыми глазами. В его взгляде больше не было той утренней наглости — скорее, какое-то странное, неуместное любопытство.

— А что спрашивать? — тихо отозвался он. — И так понятно: у тебя тут не лагерь, а минное поле. А ты на нём — главный сапёр, который боится, что его подорвут даже простым прикосновением. Что с тобой будет, если к тебе просто прикоснутся? — Денис подался вперёд, и в его голосе проскользнуло что-то похожее на искреннее непонимание. — Это же всего лишь движение, и всё. Мир не рухнет.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как внутри всё натягивается, будто струна. Откинулась на спинку кресла и закрыла на секунду глаза, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

— Это личное, ясно? — отрезала я, открыв глаза и в упор глядя на него. — И перед тобой открываться я не собираюсь. Ты здесь временно, Градов. Лишний пассажир.

— А что такого? — он не отступал, и его голубые глаза, казалось, пытались просканировать меня насквозь. — Ты обо мне уже всё почтала, каждую грязную подробность знаешь. Что будет, если и ты расскажешь? Может, полегчает, если выговоришься.

На мгновение в кабинете повисла звенящая тишина. Я задержала на нём взгляд, и в голове предательски мелькнула мысль: «А вдруг?». Вдруг этот наглый мажор — единственный, кто не станет смотреть с жалостью, как Стёпа, или поучать, как отец? Но я тут же осекла это минутное малодушие. Доверие — слишком дорогая роскошь, которую я не могла себе позволить. Тем более с ним.

— Выполняй работу и вали на обед, — мой голос снова стал стальным, не терпящим возражений. — Хватит строить из себя психолога, у тебя это получается паршиво.

Я уткнулась в бумаги, давая понять, что разговор окончен. Денис еще пару секунд посверлил меня взглядом, а потом с тихим вздохом снова зашуршал накладными. В этот момент в дверь коротко постучали — это был Стёпа с результатами анализов Кристины.

— В общем, вот, — Стёпа с грохотом положил лист на стол, попутно смерив Дениса таким презрительным взглядом, будто тот был навозным жуком.

Градов в долгу не остался: не отрываясь от папки, он лениво выставил средний палец, даже не глядя на «лекаря». Я вчиталась в сухие строчки отчёта, и внутри всё закипело.

— Вот же стерва! — рявкнула я, сминая край бумаги. — Стёп, напиши официальную бумагу. С печатью, подписью, всё как положено, понял?

Он кивнул и уже направился к выходу, понурился плечи.

— И да, Стёп ... спасибо, — добавила я чуть мягче.

Бедняга тут же просиял, будто я ему медаль вручила, и пулей вылетел из кабинета.

Я нервно заходила по комнате.

— Я так и знала, что эта паршивка что-то выкинула! Отравление она решила симулировать? Ну уж нет, дорогуша, не в мою смену. Гадина ... Я резко подскочила к столу и с силой вдавила красную кнопку сирены, спрятанную под столешницей. Кабинет и весь корпус пронзил невыносимый, режущий уши вой. Денис от неожиданности подпрыгнул на месте, забыв про ногу, и тут же сдавленно охнул, рухнув обратно в кресло.

— Дурак, что ли?! — я обернулась на него, уже надевая кепку. — Чё скачешь как коза горная? Сказала же: сиди и делай работу!

— Чего это вообще такое?! — перекрикивая гул, вытаращился он на меня. — Пожар? Нападение?

— Чего-чего ... Сирена, не слышишь, что ли? — я рассмеялась каким-то диким, злым смехом. — Это сигнал «Общий сбор». Сейчас мы устроим нашей «больной» весёлую жизнь.

Я вылетела в коридор, но, обернувшись, увидела, что этот упрямый болван, прихрамывая и шипя от боли, всё равно ковыляет следом за мной, выглядывая из-за косяка.

— Ну вот что за баран ... — пробормотала я, но останавливать его не стала.

Мажорики посыпались из домика в полнейшем хаосе: кто в одних трусах, кто судорожно натягивал штаны на ходу, спотыкаясь о порог. Кристина плелась в самом хвосте, бледная, как стенка холодильника, едва переставляя ватные ноги.

— А ну, построились! — мой крик перекрыл даже вой сирены.

Мы стояли в гробовом молчании ещё целую минуту. Гравий под моими ботинками казался раскалённым от напряжения, а потом звук резко оборвался, оставив после себя лишь звон в ушах.

— Что за нахрен?! — Илья первым пришёл в себя, яростно растирая ладонями оглохшие уши.

— Внеплановый сбор, — процедила я, медленно обводя строй ледяным взглядом, от которого у них, уверена, мороз пошёл по коже. — Когда вы сюда припёрлись, я каждому в

зубы дала памятку: что здесь разрешено, а за что я буду карать. Но вы, видимо, решили, что я тут в сказки с вами играю?

Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию.

— Запомните: мне плевать, насколько вы старше или младше. Плевать на фамилии ваших папаш, на толщину кошельков и ваши дутые статусы в городе. Здесь — я закон. Это мой дом, моя территория и мои грёбаные правила! Я не собираюсь терпеть ваши выходки, какими бы безумными они ни были. Вы можете вытворять друг с другом что угодно, но я не позволю вам подставлять моего отца и портить репутацию этого места. Я резко вскинула руку и ткнула пальцем в сторону Кристины. Та пошатнулась, будто я её ударила.

— Ты. Исключаешься из лагеря. Твой отец приедет за тобой сегодня вечером. Но домой ты не поедешь. Тебя ждёт прекрасная жизнь на больничной койке в психушке.

— Чего? — пролепетала она, едва шевеля губами. — На какой ещё койке?

— На белой, — отрезала я. — У меня на руках официальная бумага, подтверждающая твой «несостоявшийся суицид». А с таким диагнозом, дорогуша, едут прямиком под замок в диспансер. Так что живо пакуй свои нарядные юбки. Шоу окончено.

— Ты шутишь, да? — Кристина перешла на визгливый шёпот, а по её щекам наконец размазалась тушь. — Это всего лишь прикол, ладно? Я просто не хотела пахать после обеда, вот и всё!

Я резко сократила дистанцию, заставив её вжаться в плечо Олега.

— Мне плевать, как ты это называешь — «приколом» или «перформансом», — прошипела я ей прямо в лицо. — Проворачивай свои тупые трюки у себя в пентхаусе, а здесь я отвечаю за ваши пустые бошки. Ты могла подохнуть в любую минуту от остановки сердца. Весело тебе было? Ну вот теперь повеселимся ещё лучше.

Я обернулась к остальным, обводя их взглядом, полным неприкрытой ярости. Денис за моей спиной стоял неподвижно, кажется, впервые за день забыв про своё колено.

— Уясните все ещё раз: если кто-то из вас выкинет подобное — останусь стоять рядом и смотреть, как вы подыхаете прямо в навозной куче. Пальцем не пошевелю! — мой голос гремел на весь плац. — Думаете, вы одни такие неприкосновенные? У меня, в отличие от вас, тоже есть неплохие связи, и закопать ваши тела мне не составит труда. Я резко развернулась, едва не задев плечом Дениса, и твёрдым шагом направилась обратно в сторону администрации. Гравий летел из-под моих подошв.

— Сбор окончен! Все по комнатам! — кинула я через плечо.

Зайдя в кабинет, я с грохотом захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять дрожь в руках. Через секунду в дверь осторожно поскреблись.

— Это я ... — раздался за дверью приглушенный голос Дениса. — Слушай, ты ведь блефовала про психушку, да? Но выглядело ... чертовски убедительно.

Я лишь раздражённо смерила его взглядом, медленно выдохнула и оттолкнулась от двери, проходя вглубь кабинета. Внутри всё ещё всё клокотало от ярости, и этот его допрос был последним, что мне сейчас требовалось.

— А ты как думаешь? — бросила я через плечо, направляясь к столу. — Думаешь, я тут в бирюльки с вами играю?

Я резко развернулась и уставилась на него. Денис застыл в дверях, его глаза расширились, пытаюсь считать хоть какую-то эмоцию на моем лице.

— Чёрт ... Ты не врала, да? — прошептал он, и в его голосе проскользнул настоящий, неприкрытый холодок. — Ты реально готова упечь её в дурку из-за одной глупой выходки?

Я подошла к нему вплотную, так что козырек моей кепки почти коснулся его лба, и прошипела прямо в лицо:

— Одной «глупой» выходки? Градов, она наглоталась колес в моем лагере! Если бы она сдохла, мой отец пошёл бы под суд, а эта ферма пошла бы с молотка. Так что да, я не шучу.

У меня есть заключение врача, и я дам ему ход. Здесь не место для ваших дебильных игр со смертью.

Я увидела, как он сглотнул. Кажется, до него наконец-то дошло, что здесь не просто «строгая вожатая», а человек, который не задумываясь переедет любого, кто встанет на пути его семьи.

— Я не дам таким болванам, как ты, разрушить всё, что мой отец строил годами! — я сорвалась на крик, и мой голос эхом ударился о стены кабинета. — Я из кожи вон лезу, чтобы сохранить то немногое, что у нас осталось ... если бы не моя ... Я тут же осеклась, прикусив язык. Почти выболтала. Перед этим мажором, который только и ждёт момента, чтобы нащупать мою слабость. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять бешеный стук сердца и вернуть себе маску безразличия.

— В общем, заруби себе на носу: я предельно ясно объясняю в последний раз, — я шагнула к нему, чеканя каждое слово. — Шуточки вашей сладкой золотой жизни закончились на воротах этой фермы. Хочешь выбраться отсюда целым? Выполняй работу, не отсвечивай, получай свою заветную характеристику и вали обратно в свой фальшивый мир.

Я указала на дверь, и мой палец мелко дрожал.

— Проваливай, Денис. Обед через пять минут. И не дай бог тебе ещё раз заикнуться о моих мотивах.

Он посмотрел на меня как-то странно — не с издевкой, а с каким-то тяжёлым пониманием, от которого мне стало ещё тошнее. Молча развернулся и, едва заметно прихрамывая, вышел из кабинета.

Я рухнула в кресло и закрыла лицо руками. «Если бы не моя ...» — фраза все ещё висела в воздухе, напоминая о том, как дорого мне обходится эта ферма и эта железная дисциплина.

Глава 7

Денис

Я был в полном смятении. Эта рыжая лисица изрядно бесила своим характером, но её оборванная фраза не выходила у меня из головы. «Если бы не моя ...». Что она хотела сказать? Почему она так отчаянно держится за это место с коровьим навозом, будто это последний бастион в её жизни?

Я вообще не понимал её закидонов. Но сейчас, лёжа на кровати после обеда, я слушал не её голос, а приглушённые рыдания Кристины за стеной. Она то впадала в истерику, ругая Лизу последними словами, то выкрикивала проклятия в адрес всей этой фермы. Чёрт, а ведь рыжая не шутила. Она и вправду собралась запихнуть эту дуру в психушку. И судя по тому, как жёстко она разделалась с её «приколом», Лиза слов на ветер не бросает.

— Вот же влипли ... — пробормотал я, глядя в потолок.

Я вспомнил её взгляд в кабинете — не просто злой, а какой-то ... загнанный, что ли? Как будто всё это — и дисциплина, и эти дурацкие правила — её единственный способ удержать мир от обрушения. И теперь я, со своим коленом и амбициями, стал частью этого её мира.

— Эй, Илья, — я приподнялся на локтях, глядя на соседа. — Ты давно её знаешь? Почему она такая ... колючая? Она реально отправит Кристину сегодня?

Илья, который до этого лежал с закрытыми глазами, нехотя повернулся ко мне:

— Лиза? Она не колючая, Градов. Она — скала. И если она сказала, что машина приедет, значит, Кристине лучше уже сейчас начинать любить белый цвет. Она не прощает подстав. Здесь всё держится только на ней, и если она даст слабину хоть в чём-то — отцовский бизнес пойдет ко дну. Понял теперь, почему она тебя так гоняет?

— Откуда ты так всё знаешь? — я прищурился, глядя на Илью. — Ты же тут всего на неделю раньше меня появился.

— Мой брат ... — Илья прошептал это, снова закрывая глаза, будто само упоминание брата навевало на него тоску. — Она его перевоспитала. Отточила, как иголку, из такого же дерьма, как мы с тобой. Он грезил ей около года, представляешь? Влюбился по самые уши, ходил за ней хвостом. Но она дала ему от ворот поворот. Жёстко, как она умеет.

Он замолчал на секунду, а потом добавил чуть тише:

— Хотя, насколько я знаю от него, она не всегда была такой колючей. В то время она ещё ... ну, живой была, что ли. Настоящая броня на ней выросла позже. Она закрылась наглухо. Пошли все к чёрту — и точка.

Я закинул руки за голову, переваривая услышанное. Значит, был какой-то надлом. Какое-то событие, которое превратило симпатичную девчонку в ледяного надзирателя с колючей проволокой вместо нервов. И это её «если бы не моя ...» — явно кусок той самой головоломки.

В коридоре послышался тяжелый топот ботинок и резкий голос Лизы. Кажется, время «сиесты» закончилось, и сейчас начнется официальная депортация Кристины.

— Поднимай задницу, Градов, — буркнул Илья, садясь на кровати.

Я высунулся из дверного проёма и замер. Лиза стояла в коридоре, преобразившаяся: вместо топа и джинсов на ней был строгий спортивный костюм, который, впрочем, не скрывал её фигуры, а скорее подчёркивал готовность к действию. Через плечо перекинута массивная спортивная сумка, волосы убраны в тугую косу, а черная брутальная кепка, надвинутая низко на лоб, делала её взгляд ещё более суровым.

— Собирайся уже быстрее, — сухо бросила она Кристине, которая всё ещё копошилась в вещах, всхлипывая на всю комнату.

Лиза стояла неподвижно, скрестив руки на груди и чеканя каждое мгновение своим ледяным спокойствием. В ней чувствовалась такая сила, что даже мне стало не по себе. Она не про-

сто выпроваживала «актрису» — она вычеркивала её из своей реальности. Я невольно задался вопросом: а что в той сумке? Неужели она сама поедет с ней в город, чтобы лично сдать в руки врачам или отцу? Если Лиза уедет хотя бы на вечер, это был мой единственный шанс пробраться в её кабинет и поискать ответы. Или, наоборот, остаться здесь без её «надзора» было ещё опаснее — кто знает, на что способны остальные, когда цербер покидает пост.

— Градов, — она вдруг резко повернула голову в мою сторону, поймав мой взгляд. — Хватит работать декорацией. Валите по комнатам! На сегодня отдыхайте, — бросила она строю, даже не глядя на нас. — Отец уже вернулся, так что остаётесь под его наблюдением. Не вздумайте косячить.

— А ты куда? — тут же вклинился Илья, бесцеремонно отталкивая меня плечом, чтобы оказаться поближе к ней. В его голосе прорезалось какое-то странное беспокойство.

— А я по делам, ясно? — буркнула она всё тем же сухим, безжизненным тоном.

Меня поразила эта её метаморфоза. Всего час назад она метала искры, готовая нас всех взглядом на атомы расщепить, а сейчас стояла спокойнее застойной лужи. Будто внутри у неё просто выключили рубильник.

— Может, помочь чем? — Илья сделал ещё шаг в её сторону, буквально буравя её взглядом.

Я присмотрелся к нему и чуть не прыснул. Да он же на неё смотрит, как побитый пёс на хозяйку! Неужели тоже втюрился, как и его братец? Гены, что ли, такие дефектные в их семейке? Я закатил глаза, сдерживая смехок. Вот же смех — целая династия фанатов рыжей надзирательницы.

Мой взгляд намертво прилип к Лизе. Я готов был поклясться чем угодно: она реально ему улыбнулась. Коротко, почти незаметно, но в уголках её губ проскользнуло что-то тёплое, предназначенное этому Илье. Чёрт, я окончательно запутался в её настроении. Пять минут назад она была готова нас всех в порошок стереть, а теперь сияет мажору, который по ней сохнет? Меня это задело сильнее, чем я ожидал. Значит, со всеми она «детка» и «солнышко», а со мной — ледяная глыба с колючей проволокой?

— Вот же ... — прошипел я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает какая-то дурацкая ревность. — Тоже мне, железная леди.

— Пошли, — коротко бросила Лиза Кристине, подхватывая её сумку. — Машина у ворот.

Они двинулись к выходу, а я остался стоять, провожая их взглядом.

— Эй, Градов, че застыл? — Стас толкнул меня плечом, возвращая в реальность. — Иди в комнату, пока старик Лисов тебя не припахал. Лиза уезжает, теперь тут будет другой режим.

Я лишь отмахнулся. Мне нужно было понять, что это за «дела», ради которых она так внезапно сорвалась, прихватив с собой огромную сумку.

— Эй, Лисица! — крикнул я ей в спину, и тут же мысленно дал себе по роже. Какая ещё, нахрен, лисица?

Она затормозила и медленно обернулась. В её разноцветных глазах промелькнул настоящий шок, смешанный с недоумением.

— Чего? — переспросила она, выгнув бровь.

Я замялся на долю секунды, пытаюсь сгладить этот «подкат», и выдал первое, что пришло в голову:

— Куда ты её ведёшь? Её же родители ещё не приехали. Машины на гравии нет.

Лиза поправила козырек своей брутальной кепки и смерила меня взглядом, в котором сквозила странная усталость.

— Я сама её отвезу, — бросила она коротко. — Иди отдыхай, Градов. И сними уже повязку, Стёпа сказал — на час, а не до конца жизни. Она лишь разочарованно покачала головой, глядя на нас — на меня, на Илью, на всхлипывающую Кристину.

— Боже ... вроде взрослые лбы, а всё равно дети, — шикнула она себе под нос, развернулась и зашагала к воротам, где за кустами, оказывается, тарактел старый, но крепкий джип.

Я остался стоять на крыльце. Значит, она сама садится за руль и увозит эту дуру в город? С огромной сумкой, в спортивном костюме и с этим странным спокойствием.

— Илья, — я ткнул соседа локтем. — Она часто так ... «сама» разруливает? И что у неё в этой сумке, кирпичи для балласта?

— За неделю уезжала четыре раза, — Илья пожал плечами, провожая взглядом пыль из-под колес её джипа. — А ещё дважды ночью подрывалась. Возвращается вечно под рассвет — уставшая, злая и дёрганая, как натянутая струна. Не знаю, что там за «дела» такие в городе, но радости они ей точно не приносят.

Он сплюнул на гравий и поплёлся в сторону корпуса.

— Так что готовься, Градов. Завтра нам прилетит по первое число. Она после таких поездок вообще тормоза теряет.

Я остался стоять на крыльце, глядя вслед удаляющемуся джипу. Четыре раза за неделю? Ночные вылазки? С огромной сумкой? Это никак не вязалось с образом примерной дочки фермера, которая «из кожи вон лезет», чтобы спасти отцовский бизнес.

— А почему она сама её везёт? — не унимался я. — И куда вообще?

— Может, скинет в канаву где по дороге, — Илья безразлично пожал плечами, явно не разделяя моего любопытства.

В этот момент в дверном проёме, перекрыв собой весь свет, вырос Олег. Его физиономия не предвещала ничего хорошего.

— Закрой пасть, ясно?! — рявкнул он на Илью, едва не сбив того с ног одним своим видом.

— Воу, ты чё, ловелас? — Илья не сдавался, хотя и попятился. — Ну подумаешь, барышню твою увезли ... Вон, с Юлькой замути, делов-то. Вам и недели хватило покуралесить, за три месяца точно слюбитесь! — он издевательски рассмеялся, и это стало последней каплей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.